

Владимир
ПЕРШАНИН

**КОМАНДИР
ШТРАФНОЙ
РОТЫ! ★**

Штурмовая рота

Владимир Першанин

Командир штрафной роты

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Командир штрафной роты / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2012 — (Штурмовая рота)

Он ушел на фронт добровольцем в 17 лет. Он прошел Великую Отечественную «от звонка до звонка». Он видел все круги фронтового ада - был снайпером, комвзвода, командиром штрафной роты. Он выжил в сотнях боев - чтобы рассказать правду о самой страшной войне в человеческой истории... Этот роман основан на реальных событиях. Эта история потрясает. Настолько пронзительно и достоверно, настолько беспощадно-правдиво о войне давно не писали. Откройте эту книгу. Загляните в глаза смерти. Узнайте, как это было на самом деле. Какая цена заплачена за Великую Победу...

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Предисловие	5
Часть первая Снайпер	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Николаевич Першанин

Командир штрафной роты

Предисловие

Мой отец, Николай Александрович Першанин, родился 29 января 1925 года в небольшом селе Чамзинка Инзенского района Ульяновской области. В живописных местах верховья Волги, недалеко от реки Сура. Родители – простые колхозники. Детей в семье было четверо: два сына и две дочери. Отец самый младший.

Семилетку закончил на «хорошо» и «отлично». В потертом свидетельстве об окончании школы стоят отличные отметки по алгебре, естествознанию, истории, географии. Почему-то нет графы «физкультура». Упоминаю об этом потому, что отец был очень сильным физически, занимался спортом, а его мощным плечам и бицепсам я поражаюсь, будучи даже взрослым.

С четырнадцати лет работал в колхозе, а в декабре 1942 года ушел добровольцем в армию. Отца отправили в учебную часть под городом Инза, где он вначале проходил подготовку в пехотном батальоне, а затем был направлен в школу снайперов в этой же учебной части. В августе 1943 года отец ушел на фронт. Среди его старых документов, орденов и медалей, которые я бережно храню, имеются записи: август – декабрь 1943 года – 295-й стрелковый полк, Первый Украинский фронт – снайпер, декабрь 1943 – февраль 1944 года – полевой госпиталь, февраль – апрель 1944 года – снова снайпер, затем пять месяцев офицерских курсов и остальные вехи боевого пути. Обо всем этом у меня сохранилось достаточно много записей, отдельные из которых публиковались. Но сейчас, собрав все записные книжки, документы и награды отца, расспросив еще раз родню и своих земляков, изложил его военную биографию. Далеко не простую. Снайпер, командир взвода, командир штрафной роты. Хочу, чтобы эта документальная повесть осталась памятью об отце.

Считаю вправе, для большей точности, вести рассказ от имени отца – от первого лица.

Часть первая Снайпер

Чамзинка – село небольшое. До станции Инза двадцать пять километров дороги, петляющей по лесу и холмам. До семидесятых годов проехать эти двадцать пять верст было проблемой. Чернозем, раскисая в апреле, а потом обильно политый весенними дождями, превращал дорогу в такое месиво, что от станции до села добирались порой целый день. Впрочем, до войны эта проблема остро не стояла. По всей округе едва набиралось полдесятка полуторок и единственная трехтонка ЗИС-5, на которые каждый раз сбегались смотреть и дети и взрослые.

Весь транспорт был гужевой. Лошадки терпеливо тащили по грязи, по глубоким колеям, смерзшимся буграм и сугробам груз на станцию: зерно, картофель, лес. Назад чаще всего возвращались пустые, разве что земляки из района подсаживались. Деревню шибко не баловали. Вместо денег шли палочки-трудодни. С какими трудностями копил я деньги на балалайку и модную красную рубашку! По медякам собирал, а ведь работал в колхозе как взрослый, с четырнадцати лет.

Музыканта из меня не получилось. Не оказалось «музыкального слуха» – слов совершенно непонятных. Как я считал, пел я неплохо. Орал вместе со всеми частушки, одну из которых запомнил. Сейчас бы ее назвали похабной, но в конце тридцатых годов она считалась остроумной и даже веселой:

Как в Зареченском колхозе,
Девочек валят на навозе,
Их там мнут, они визжат,
Брызги в стороны летят.

Пели, конечно, и хорошие песни: «Катюша», «Поедем, красотка, кататься» и многие другие. Оглядываясь на себя, шестнадцатилетнего, кудрявого, крепко сбитого мальчишку, вспоминаю, что некоторые девушки были не прочь со мной дружить. Но я отчаянно завидовал гармонисту и балалаечникам. Кто-то пообещал мне сделать самодельную балалайку, надо только длинных волос у лошади из хвоста надергать.

Вылазка за конским волосом едва не закончилась для меня трагически. Кобыла на колхозной конюшне, считавшаяся более смирной, чем другие, так уделала копытом в плечо, что я отлетел метра на три. Повезло, что не разбила челюсть или ключицу. Недели две сходил с плеча огромный синяк. Да еще от отца вожжами досталось.

На балалайку где-то за полгода я денег все же накопил. Вместе с дружкой отправились в Инзу, где долго выбирали инструмент покрасивее. Принес домой. Радовался не меньше, чем сейчас радуются парни новой дорогой автомашине. Но с учебой не заладилось. Научился кое-как тренькать «Светит месяц», и на этом все. Не было этого чертова музыкального слуха, хоть лопни! Балалайку положили в дальний угол, а спустя время моя мама, Ульяна Ивановна, ее продала и купила мне красную рубашку.

Хотя мои воспоминания о Великой Отечественной войне, но я хочу хоть вкратце рассказать о последних предвоенных годах. О жизни деревни, в которой жил я, моя многочисленная родня и были похоронены несколько поколений предков. Отец у нас был строгий, бездельников не терпел. Не считая дел по дому, возни с огромным огородом, сенокосом, заготовкой дров, все дети, начиная с четырнадцати, уже где-то работали. В том числе и обе сестры. Может, поэтому и не голодали, хотя еда была простая. Мясо ели зимой, да и то по праздникам и воскресеньям. А в остальное время очень редко: если овца захромает или несущке срок пришел. Вареную курицу съедали целиком от головы до лапок.

Основная еда: картошка, гороховая или пшенная каша, молоко, хлеб. Налоги платили большие, и молока не хватало, не говоря о сметане или масле. Но главной едой в моей родной Ульяновской области считалась, да и сейчас считается картошка, которая дает богатые урожаи. Ели ее вареной, гораздо реже – жареной. Лакомством считалась картошка, томленная в русской печи на молоке с хрустящей корочкой сверху. Очень вкусным был домашний ржаной хлеб, печенный на капустных листьях, но и его доставалось далеко не досыта. Кстати, хлеба, как и многих других продуктов, в нашем сельмаге не продавали. Помню, как по весне мама пекла «пресняки» – пресные лепешки, густо напигованные зеленым луком и кусочками вареных яиц. Пресняки считались лакомством. Но с началом войны в муку стали добавлять лебеду, липовые листья. Вкус у хлеба и Пресняков был уже не тот.

Крепко выручали овощи. Огороды у всех были большие. Земля хорошая, давала большие урожаи капусты, тыквы, свеклы, огурцов. Тыкву запекали большими ломтями в русской печи. Это было для нас сладкое блюдо, что-то вроде современных пирожных.

В нашем селе очень любили рыбу. Но до реки Суры было двадцать километров – большое расстояние по тем дорогам. Рыбаки продавали улов в ближних селах. До Чамзинки мало что доходило. А в мелкой речушке за селом ловились пескари да голавли, чуть больше палыца. Но мы со старшим братом Федором иногда не ленились встать до рассвета и, когда везло, приносили на куканах из ивовых прутьев, чтобы все видели, какие мы удачливые рыбаки, десятка три-четыре мелочовки. Как раз хватало на большую сковороду. Рыбешка мелкая, и мать разбивала в жареху несколько яиц. Получалось вкусно и сытно. Съедали до косточки, кошке мало что доставалось.

Слово «колбаса» для меня было незнакомо. Не хватало многого. Особенно сахара. Однажды родители привезли из города несколько килограммов сахара-песка и давали детям его буквально по крохам. Не в силах преодолеть соблазн, я заползал под кровать, где в нескольких мешочках, завязанных на хитрые узлы, хранился сахар, и не рискуя развязывать их, сосал, как сладкие леденцы, уголки мешочков. Если бы поймали, досталось бы крепко!

Помогал лес. На зиму, по особому рецепту, солили в бочках грузди, лисички. Рецепт был старинный. Грибы не варили, а, хорошо отмочив, пересыпали солью, клали листья смородины, и грибы доходили до готовности около двух месяцев. Вкусная штука! Обычно в каждой семье в погребе стояли по две-три бочки грибов. Белые грибы, подберезовики, маслята сушили связками. Их часто привозят в Волгоград из Ульяновских деревень, и я всегда узнаю эти связки.

В лесах всегда хватало орехов и ягод: особенно земляники и малины. Но делать варенье возможности не было – сахара не найти. Однажды деды прослышали, что на севере клюкву или морошку замачивают в воде. А урожай малины в тот год был очень богатый. Ведрами таскали малину в погреб и заливали ее в бочках водой. Конечно, через несколько дней она пропала. Вот жалость была!

Старший брат Федор лет с пятнадцати крепко увлекся охотой. Все свободное время проводил в лесу. Вначале его гоняли:

– Навоз не убран, а он с берданкой шатается.

Но Федор очень метко стрелял и почти каждый раз приносил зайца, иногда – двух. Мать тушила зайчатину в чугушке со свиным салом и картошкой. Федора стали хвалить. Даже вместо старой берданки 32-го калибра, из которой в любую дичь попасть трудно, купили одностволку 16-го калибра. Федор стал брать на охоту и меня, и я тоже со временем научился неплохо стрелять из берданки. Правда, дичи добывал гораздо меньше, чем Федор. Слабенькое и старое у меня было ружьецо. В узких латунных гильзах помещался десяток самодельных дробинок. Но шишки с сосен я сшибал довольно точно, раза два сбивал даже тетеревов, добыл несколько зайцев. Может, позже это помогло мне метко стрелять из боевой винтовки и пройти отбор в снайперскую школу.

Места, где я родился и вырос, можно назвать глухими. Много в селе было неграмотных. Об электричестве только в газетах читали. Некоторые, уже взрослые люди, железной дороги не видели. Словом, много чего не знали мы, с чем были хорошо знакомы городские жители. Но в моей памяти деревня тридцатых-сороковых годов, хотя и бедная, плоховато одетая, мало читающая, имела веками накопленный разумный подход ко всему. Иначе бы не выжили.

Вот простой пример. Мои уцелевшие друзья-фронтовики откровенно признавались: «Война нас сильно попортила. Пить водку научила...» А ведь это верно. В деревнях родной моей Симбирской губернии до войны пили мало: на праздники, по воскресеньям (да и то не каждое). Употребляли чаще всего брагу, настоящую на красной смородине, реже – водку. А самогона, его у нас называли «перегонка», гнали либо уж на совсем большой праздник, либо пьяницы, которых в деревне можно было пересчитать по пальцам. Почему так? Традиции, воспитание и, конечно, привычка к труду. Пьяницу-сына нещадно шпыняла вся семья, жена, издевались соседи. А когда начинали вспахивать, засеивать огромные огороды, шли на колхозный покос, себе для скотинки участки косили да работали на уборке, всем было наплевать, с похмелья ты или нет. Хоть падай, а работай. Или сбегай из села. Ищи городского счастья, где тебя никто не ждет.

Мои земляки трезво видели сильные и слабые стороны колхозов и советской власти. Конечно, к колхозам из-за нищей оплаты, уравниловки, почти крепостной зависимости от местных властей относились в основном отрицательно. Но и признавали, что от голода никто не помирал. Даже в самые неурожайные годы люди знали, что умереть им не дадут. Я не беру коллективизацию, тупое раскулачивание, о котором мало что знал, а вспоминаю период, когда в тринадцать-шестнадцать лет что-то уже соображал, то бишь в тридцать восьмом – сорок первом годах.

Многие в селе охотно читали газеты. Пусть урезанные цензурой, как вся тогдашняя печать, порой просто брехливая, но все же окошко в большой мир, где руководит страной великий Сталин, на Кубани собираются сказочные урожаи, а япошкам на Халхин-Голе так намылили шею, что удирали без оглядки.

Кому-то покажется сусальной такая картина. На ступеньках сидит мой отец Александр Афанасьевич и читает вслух газету, а вокруг пять-шесть человек соседей слушают, обсуждают. Кстати, отца за грамотность и авторитет среди сельчан назначали (или избирали) раза два председателем сельсовета. Он привил мне и старшему брату Федору, проработавшему после войны много лет начальником почты, любовь к чтению. В пятидесятых годах, проходя службу на Дальнем Востоке, мы с офицерами обсуждали роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Многие под влиянием прошедшей войны воспринимали гиперболоид как реальное, мощное оружие, возможно, где-то применявшееся.

Я любил приключенческие, военные книги с детства. Жюль Верна, Луи Буссенара с его бессмертным «Капитаном Сорви-голова», Аркадия Гайдара. А мой брат Федор с женой, преподавательницей русского языка и литературы, собрали после войны целую библиотеку журнала «Роман-газета», которую перечитали многие друзья и соседи.

Мой дед, Афанасий Александрович Першанин, великолепно вырезал из дерева. Годов до семидесятых сохранилась метровая, тщательно вырезанная из липы, покрытая лаком фигура Степана Разина с орлом в поднятой руке. Одно крыло у орла отломилось, и статуя пошла трещинами, но работа была мастерская.

Война пришла, как и для большинства наших людей, неожиданно. После недавнего сообщения ТАСС о том, что у нас с Германией мир и дружба, в первые часы 22 июня царила неразбериха. Моя бабка утверждала, что на какую-то страну напал Сталин. Что, впрочем, неудивительно после «победоносных походов» на Западную Украину, Белоруссию, захвата

Прибалтики. Кто-то высказывал другие версии, но в двенадцать часов дня речь Молотова поставила все на свои места. Гитлер напал на Советский Союз!

Мне было шестнадцать. Как и многие ровесники, я рвался на фронт. Не сомневался, что мы победим. Комсомолец, ворошиловский стрелок! Молодежь верила в быструю победу. Воспитанные на романах и фильмах «Если завтра война», «Первый удар», мы представляли войну такой, какой нам ее показывали. С лубочными толстыми фашистами, в рогатых касках, которых мы сметем нашими мощными танками, самолетами, лавиной конницы, а немецкий пролетариат нам поможет.

Между тем, уже много позже, обе бабушки и мать рассказывали мне, что слухи о будущей войне тайком ходили среди старшего поколения с весны сорок первого. Потихоньку запасались солью, спичками, мылом. Запаслись бы и сахаром, да его не было. В июне в окрестные села приехали несколько семей с приграничных краев. Напуганные, они помалкивали, но близким родственникам рассказывали:

– Гитлер такую огромную армию у границы собрал!

Повестки стали разносить уже в первый день войны. И потянулись рано утром в понедельник 23 июня похмелившиеся, крепко на взводе, мужики на станцию Инза. Что там двадцать пять километров да под гармошку. Водка, сало, вареные куры, яйца. Пей, Никита! Наяривай, Иван! Расшибем фашистскую курву!

Я тоже в тот понедельник рано проснулся. Дядьку, еще кого-то из родни провожал. Женщины кричали, плакали. Такой вой стоял, жуть. О столбы головой бились. Матери, жены сразу почувствовали, что никто из тех июньских призывников домой не вернется.

В конце июня ушел на фронт старший брат Федор, а спустя месяц – отец. Дом сразу опустел. Из мужиков дед Афанасий да я остались. Что про сорок первый и сорок второй сказать? Работа от темна до темна в колхозе да еще семейное хозяйство тянули. Разумеется, как и везде, без выходных. Уставал страшно. Особенно на полевых работах, уборке, косовице, где по пятнадцать-шестнадцать часов работали. На возраст не смотрели.

Жили событиями на фронте, ждали писем от брата и отца. Федор воевал под Ленинградом. Отца перекидывали с места на место, хоть и возраст за сорок. Раз два был ранен. Федора тоже ранили, но писал он о себе скупно. Главное – оба живые.

Весной сорок второго уже крепко давал о себе знать голод. Сильно урезали хлебные нормы, даже картофеля не хватало. Весной на колхозных полях собирали остатки неубранной мерзлой картошки, которая годилась только на крахмал, и варили кисель. Конечно, без сахара. В лучшем случае, с молоком. Некоторые женщины из особенно бедных семей ходили по ночам на скотомогильник. Отрубали куски мяса подошедших от голода лошадей. Долго варили жесткое, жилистое мясо и кормили всю семью.

А уж как обходились в сорок третьем и сорок четвертом годах – не знаю. Тогда голод повсеместно царил. А с колхозного поля попробуй горсть зерна или пару картофелин унести! Тогда по мелочи не разменивались. Пять или десять лет лагерей. Но это уже было без меня.

В середине декабря 1942 года, в самый разгар боев под Сталинградом, после очередного заявления, я ушел добровольцем в армию и был направлен в учебный полк, недалеко от города Инза.

Мне, семнадцатилетнему мальчишке, было трудно разобраться в системе подготовки учебного полка. Кто-то, получив обмундирование и пробыв в полку считанные дни, уезжал. Куда? В училище, на фронт? Мы не знали. Наверное, все же на фронт.

Другие проходили трех-, шестимесячные курсы. Готовили бойцов и младших командиров разных специальностей. Некоторые роты считались секретными. В них нас не пускали. Возможно, там готовили десантников, радистов, может, еще кого-то для заброски в немецкий тыл.

Расскажу свои первые впечатления. Военный городок был расположен в лесу. КПП, высокий забор, ворота. Нас, человек под триста, поместили в длинную бревенчатую казарму. Две учебные стрелковые роты. Двухэтажные койки, матрацы и подушки, набитые сеном. Самодельные тумбочки и табуретки, комната для занятий и Ленинская комната. В них – грубо сбитые столы для занятий и такие же табуретки. В комнате для занятий – схемы устройства винтовки Мосина (нашей знаменитой «трехлинейки»), станкового пулемета «максим» и ручного Дегтярева. Их технические данные. Особое впечатление производил знакомый по фильмам, а особенно «Чапаеву», станковый пулемет «максим», с прицельной дальностью стрельбы три тысячи метров и скорострельностью восемьсот выстрелов в минуту.

– Вот это штуковина! – восхищались мои ровесники. – За три километра фашистов можно лупить. За десять минут восемь тысяч пуль выпускает!

Мало кто знал, что громоздкая знаменитость Гражданской войны, весом под семьдесят килограммов, с уязвимым водяным охлаждением, уже устарела и уступала немецким МГ-34. За три, да и за два километра никто из «максима» не стрелял и уж тем более не пытался выпустить восемьсот пуль в одну минуту. Но мы в него верили, и это главное. Свою роль надежный и неприхотливый «максимка» в Отечественной войне сыграл и воевал до самой Победы. Хотя позже, сколько придется мне увидеть разбитых немецкими минами и легкими пушками наших «максимов», издалека заметных из-за своих размеров. Их расчет не успевал достаточно быстро сменить позицию, надежно укрыться. Для «максима» и расчета целый окоп нужен.

В Ленинской комнате в хорошо сработанных рамках – портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Два вождя. Ленин – в пиджаке и кепке, Сталин тоже одет довольно скромно. Скажу откровенно, понравится кому или нет, но Сталина я уважал. Несмотря на все колхозные неурядицы, бедность, воспоминания о раскулачивании, отец и мать привили мне уважение к вождю. Не скажу, что дифирамбы Иосифу Виссарионовичу пели, но верили, надеялись на него. И оправдание нашей бедноте находили. Враги со всех сторон! Поэтому тяжелую промышленность создаем, армию укрепляем – надо потерпеть. А сколько терпеть – никто не спрашивал.

Ленинская комната была оформлена как музей. И различные фотографии И.В. Сталина, его высказывания, намалеванные на плакатах корявыми буквами, статьи. Здесь же фотографии членов Комитета обороны и красочные листовки, где наши бойцы, придавив гада-фашиста крепким сапогом, вонзали ему штык в брюхо. Висели листовки с фотографиями и описаниями подвигов Виктора Талалихина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло и других Героев Советского Союза.

Морозы стояли в декабре градусов под двадцать, а ночью – все двадцать пять. Две металлические печки топили непрерывно, благо дров хватало. На ночь, кроме белья и одеял, накрывались шинелями. Терпеть можно, хотя вода в ведрах на полу замерзала.

Что меня разочаровало, так это военная форма. Получил я старую гимнастерку, заштопанные шаровары, прожженную шинель и шапку, которую до меня носили человек пять. Мы с дружкой, Никитой Лыковым, рассчитывали, что нас оденут во все новенькое, обязательно сфотографируемся и пошлем карточки родителям и друзьям. К сожалению, наша форма не годилась для парадных снимков, да и фотографировали в полку только на партийные билеты и другие важные документы.

Впрочем, я немного успокоился, когда узнал, что в одном из соседних учебных батальонов ребята ходят еще в домашних обносках. Не хватало красноармейской формы. И хотя мы знали, что на фронте туго, но всей трагичности обстановки конца сорок второго года еще не понимали. Ура! Немцев бьют под Сталинградом. Много позже я узнал, что расхожее мнение о том, что как началось наступление 19 ноября 1942 года, так мы и погнали фрицев – не совсем соответствует истине. Пока мы осваивались в городке и начинали учебу, под Сталинградом до

самого последнего дня, до 1 февраля 1943 года шли ожесточенные бои. Немцы прекратили сопротивление только после приказа своего командования.

И все же это было самое мощное и победоносное наступление за полтора года войны. И наша учеба шла под впечатлением битвы под Сталинградом. О наступлении, а позже о разгроме немцев на Волге шла речь и на политзанятиях, и на комсомольских собраниях, и во время учебы. Помню, как замполит Богородский, туго паковавший свой объемистый живот в португеею, втолковывал нам:

– Вы понимаете? Впервые, с тридцать девятого года, фашистам нанесли такой мощный сокрушающий удар. Тридцать с лишним дивизий, целую армию, наши добивают в окружении. Гитлеру дали понять, что вся его стратегия летит к чертям. И Красная Армия, под руководством великого Сталина, знает, как надо воевать, не оставляя врагам шансов спастись.

Замполит говорил еще очень много всяких умных слов, часть которых мы не понимали, но задавать вопросы стеснялись. Кроме нас, деревенских, с образованием зачастую четырех-пять классов, в роте были и городские ребята из Челябинска, Ульяновска, Куйбышева. Они не упускали случая подколоть, когда кто-то из моих земляков путал ученые слова или задавал простодушные вопросы.

Правда, сильно выделяться у них не получалось. Наши, сельские, привыкшие с детства к труду, были крепче физически. Без труда подтягивались на турнике, ловко прыгали через «козла» (в селе сколько в чехарду играли), быстро осваивали другие физические упражнения. Конечно, среди городских были и настоящие спортсмены-разрядники, но хватало и слабаков, болтавшихся на турнике, как лапша. Да и дров наколоть, а две печки пожирали их огромное количество, как правило, ставили нас. Мы делали это быстро и ловко.

Старший политрук Богородский, «духовный отец» нашей роты, служил под Смоленском. У него было двое или трое детей, старики на руках, и он успел эвакуировать свою большую семью в нашу Ульяновскую область буквально под бомбами. Богородский немного воевал, был ранен, а затем сумел получить направление в учебный полк. Он боялся фронта. Особенно это было заметно, когда время от времени вместе с выпускниками отправляли на передовую наших преподавателей. Заменяли их фронтовиками, выписавшимися из госпиталей, а нередко ловкачами, втесавшимися в «учителя». Хотя как они могли научить нас воевать, не нюхая фронта?

Над боязнью Богородского попасть на передовую мы втихомолку подсмеивались. Много позже я понял, что старший политрук, успевший нюхнуть мясорубку сорок первого года, больше, чем за себя, боялся оставить без кормильца свою большую семью, непривычную к деревенскому труду и быту. Он переводил им всю свою зарплату и даже пересылал мелкие подарки (лепешки, сало, яйца), иногда перепавшие ему от родителей курсантов.

Богородский хорошо знал – и в сорок втором году с фронта живыми практически никто не возвращался. Разве что без руки или без ноги, а то и вообще без конечностей. В Инзе я уже видел такого бедолагу. Ноги, оттяпанные по самое никуда, одна рука, тележка, утопающая в грязи, и засаленная шапка со звездой – для милостыни. Но разве семья может служить оправданием для трусости? В нашей семье отец и брат Федор больше года воевали, и я добровольцем пошел.

Богородский неплохо к нам относился, не орал, когда мы засыпали на его «проповедях». Просто приказывал встать, и парень потихоньку очухивался. Как и многие преподаватели, он нес много ненужного и, я бы сказал, вредного. Это я понял позже, на фронте. Нельзя недооценивать и пренебрежительно относиться к врагу. А ведь из речей таких «наставников», как наш замполит, следовало, что техника и оружие у нас самые лучшие, немцы почти разбиты. От залпов «катюш» фрицы поголовно кладут в штаны, а танки Т-34 и КВ («Клим Ворошилов») практически невозможно подбить. Такая у них мощная броня и такие у немцев хреновые пушки. Хотя в сорок втором году немцы уже активно применяли подкалиберные и какой-то

процент кумулятивных снарядов, пробивающих броню и «тридцатьчетверок» и КВ. Сколько их сгорело и погибло людей в бездарном весеннем наступлении под Харьковом! Но об этом предпочитали умалчивать и тем более «не пугать курсантов».

Ну ладно, бог с ним, с Богородским! Начал я, наверное, не с самого главного. Чтобы закончить тему, скажу, что ходили сплетни, что наш замполит ходит в сорок лет всего лишь «старшим политруком» из-за своей фамилии.

Ну, это, по-моему, чушь. Говорили еще, что у Богородского не все в порядке с происхождением, а держат его как грамотного политработника.

В январе морозы шарахнули под тридцать и больше. В казарме стоял колотун. Спасало только движение. В шесть часов, еще в темноте, подъем, зарядка, пробежка с километр. Потом довольно сытный завтрак: каша (чаще с подсолнечным маслом), увесистая четвертушка хлеба, настоящий горячий чай, порция сахара. Кто не наедался и был, по мнению начальства, слишком худым, получал иногда добавку. Я хоть и выглядел крепышом, но в дополнительной кружке чая мне не отказывали. Я и сахар делил всегда на две кружки. Как в поговорке говорилось: «Чай не пил – какая сила!»

Много занимались тактическими занятиями, но в основном однообразными: «Взвод в обороне» или «Взвод в наступлении». Учились ползать по-пластунски. Мороз, снегу по колено, а где и по пояс, а мы ползем с деревянными винтовками. Впрочем, снег уминали быстро. Если за ночь свежего не подвалит, то в радиусе километра он был примят нашими животами и ботинками.

Боевые винтовки и валенки мы получали при заступлении в караул, а «штатным оружием» пока были деревянные винтовки и доски-трескотки, которые изображали пулеметную стрельбу. Хоть и посмеивались мы над деревяшками, но в основном все понимали серьезность происходящего. Позже, на фронте, мне иногда приходилось видеть маршевые роты, брошенные с ходу в бой, не прошедшие нормальной подготовки. И как ползли новобранцы на четвереньках, а пули и осколки валили их, не прощая лишних тридцати-сорока сантиметров, которые выпячивали над землей свежее испеченные бойцы.

Запомнился командир нашего второго взвода, лейтенант Морозов. За глаза мы именовали его коротко – «Мороз». Лихой парень, лет двадцати с небольшим, прошедший передовую и пробывший там не месяц-два, как Богородский, а воевавший с сорок первого, дважды раненный и направленный учить, как надо воевать, нас, сопляков.

Отчаянный матерщинник, всегда в куртке (шинель Морозов надевал только на строевые смотры), в начищенных яловых сапогах и кобуре с ТТ, которая висела на ремне совсем не так, как у других преподавателей. Ближе к животу, что ли, или как-то еще, но удобно. Чувствовалось, что хорошо повоевавший лейтенант нашел ей правильное место и выхватывал пистолет в считанные секунды. По слухам, Морозов, выбираясь из окружения, застрелил пять или шесть немцев и вывел целую роту.

Он умел заразить нас азартом настоящего боя, забыть, что винтовки деревянные и мы находимся в глубоком тылу. Обычно четыре взводных отделения Морозов делил на две группы. Одна наступала, другая оборонялась. Мы, кто помоложе, порой в такой азарт входили, что, сцепившись, расшибали и носы друг другу и прикладом так получали, что отходили потом полдня.

Запомнились мне перекуры, когда солидно сворачивали самокрутки и взводный рассказывал по нашим просьбам о войне. Что мне запомнилось? Лейтенант говорил много о немецкой авиации. Учил нас сразу искать укрытие или просто падать и не шевелиться. Жестикую левую ладонью, с огромной багровой вмятиной, он говорил быстро, глотая окончания слов:

– Самый поганый самолет – «лаптежник» (имелся в виду немецкий пикировщик Ю-87). Бронированная сука, пузо, как у судака, блестит. Целую тонну бомб тащит. Два пулемета впе-

реди да еще один у стрелка с тылу. Пикирует с таким воем, что молодежь с перепугу из окопов выскакивала. А ему только этого и надо. Высыплет с полсотни осколочных десятикилограммовок. Где руки, где ноги оторванные валяются. Или фугаску с полтонны шваркнет, но это уже по цели. По укреплению, по тяжелой батарее. Земля трясется, подбрасывает людей, а ты не робей. Все равно мимо! Свою бомбу не услышишь, да и редко прямые попадания случаются.

– А если его из винтовки? Да целым залпом? – спрашивал кто-то из молодняка.

– Бесполезно, – отмахивался взводный. – Во-первых, взводом не получится, половина в землю влипла и себя не помнят. Находились ребята, били из винтовок и «дегтярей». Иногда попадали, но лишь искры летели. Броня! «Лаптежника» пушкой только возьмешь или, на крайняк, из крупнокалиберного пулемета. Да и врезать, знать куда надо. Спереди в мотор или в хвостовину очередь засадишь, тогда хоть какой-то шанс.

– А «шанс». Что это такое? – спрашивал мой дружок, Никита Лыков.

Лейтенант терялся, толком не умея объяснить.

– Ну, возможность. Удача.

– И сбивали?

Мороз усмехался:

– Я лично такого не видел. Но пугали фрица хорошо. Ударит по броне очередь, он сразу вверх. Бомбы куда попало сыпет, а другие самолеты высоту спешно набирают. Значит, и бомбежка не такая точная.

Много разного рассказывал нам взводный, а может, чего и лишнего. К тому же заложить за воротник любил. Во взводе половина ребят местные. Матери, братья, сестренки их навещали. Лейтенант, добрая душа, бывало, на целый день отпускал, только чтобы он место знал. В случае чего сбегать и привести, если начальство хватится. Ну, почти каждая мать бутылку, а то и две приносила. Сала, грибов. Просят: «Может, моего здесь оставите. Сделайте, а мы в долгу не останемся».

В общем, через полтора месяца собрал наш лейтенант вещички. Тощий вещмешок, полевая сумка, потертая кобура с ТТ. Попрощался и, возглавив группу курсантов-выпускников, двинул на фронт. Хотя и не слишком правильный по требованиям учебного полка, но Морозов был хорошим командиром. На передовой за спинами бойцов наверняка не прятался. Такие быстро гибли. А бывало и наоборот. Сам позже убеждался. Отгоняли они своей отчаянностью смерть, или она щадила их. Ранят, отлежит в госпитале и снова на передовой. И чаще в невысоких чинах. Для меня мой первый взводный, несмотря на короткий срок пребывания, остался примером во многом. Суета излишняя мне только не нравилась и пристрастие к спиртному.

А через пару дней нам определили нового взводного. Лейтенанта по фамилии Елагин. На «отлично» училище в Челябинске закончил. Весь отглаженный, в новенькой шинели, с таким же новым пистолетом ТТ в кобуре. Но не так кобура висела, не по-фронтовому. И пять фрицев на счету лейтенант-отличник не имел.

Немного расскажу о нашем взводе. Конечно, никакой дедовщины, которая выросла в шестидесятых годах, не было и в помине. Отношения были проще. Но люди были разные. Если начну разливать, какие мы были дружные да хорошие, не совсем правдиво получится. В основном было нам лет по восемнадцать-двадцать, некоторые постарше, а человек шесть – совсем «старики», под сорок лет.

Старики держались отдельной кучкой. Вели негромкие, не слишком веселые разговоры, а на нас, сопляков, особенно когда мы начинали беситься, играть в «угадай» с крепкими затрепщинами и воплями или устраивали потасовку во время «атаки», смотрели, как на щенят. Задевало нас и когда они посмеивались над нашими брехливыми рассказами о любовных делах. Большинство только на посиделках девок тискали, а что-то большее нам не позволялось. Тем не менее мы несли такую ахинею, за которую мне и через три десятка лет бывало стыдно.

Получалось так, что мы держались небольшими группами. Сбивались в кучку земляки. Некоторые хоть и с разных концов страны, но знакомились и становились «корешками» еще в поездах, на пересыльных пунктах. Но это было чисто условное деление, когда собирались вместе покурить, вспомнить родные места, опустошить полученную от родных посылку, не забыв отделить что-то старшине. На занятиях, учениях мы держались взводом, и столкновений или неприязни между группами практически не было, если не считать некоторой напряженности в отношениях с городскими. Да и то не со всеми.

Мне лично не нравился один парень из Саратова. Звали его Олег. Он закончил десятилетку и курс какого-то института. Обычно таких сразу брали или в военные училища, или на курсы младших лейтенантов, но Олег почему-то учился «на рядового». Хотя имелись в полку и пулеметный и саперный батальоны. И другие подразделения специалистов. Высокий, крепко сложенный, он был очень самолюбив. Помню, что с нашим первым взводным у него были стычки. С ним вместе держались еще человека четыре, хоть и попроще, но зараженные высокомерием «Вещего Олега». Такую кличку ему присвоили, а потом сократили до более простой «Вещун».

Он любил громко рассуждать о фронтовых делах, хорошо знал историю. Сравнивал нападение Гитлера с бесславным походом Наполеона. Безапелляционно высказывал свое мнение о любых событиях, людях. Олег язвил, когда его не слышали, в адрес наших командиров отделений из сельских ребят.

– Ты чаво? – передразнивал он Никиту Лыкова, первого, получившего «младшего сержанта» из всех нас. – Надись это было, а не вчера!

– Чего ты ехидничаешь? – не выдерживал я. – Завидно, что не тебя на отделение поставили?

– А тебе-то чего надо, «пресняк луковый»! – огрызнулся Олег.

Эту кличку он пытался приклеить мне после одного из разговоров, когда мы, голодные, на занятиях в лесу обсуждали, кто бы чего съел. Сlopали бы мы все, что угодно, хоть черствый хлеб без воды. Но вспоминали вкусные вещи. Кто что любил. А я вспомнил горячие, пахнущие домашним подсолнечным маслом «пресняки» с луком и яйцами. Сельские ребята согласились, что штука вкусная, а Олег завел никчемный хвастливый разговор о «тортах» (я и не знал такого слова), о шашлыках, копченой колбасе. И получилось, что мы, простота деревенская, в жизни ничего слаще лепешек с луком не едали и вообще жизни не видели. Цапнулись мы тогда, но спор быстро прекратил Никита и перевел разговор на другую тему. Кличка ко мне не приклеилась, а называли меня чаще Колян. Нормально и просто.

Но спустя неделю мы крепко сцепились с Олегом, когда дежурили на кухне. Пилили двуручной пилой дрова. Олег владел пилой плохо, злился, что-то шипел. Я не выдержал:

– Это тебе, Вещун, не языком трепать. Тяни сильнее на себя.

Олег опешил и обозвал меня Пресняком. Конечно, по образованию я уступал Олегу, но в роте я твердо держал второе место по силовым упражнениям. Мышцы у меня от тяжелой сельской работы вымахали, не обхватишь. Не хваюсь, так и было. Однажды на соревнованиях я вызвал одобрение всех ребят, когда подбрасывал и ловил пудовую гирию. С двухпудовой было тяжелее, но раз десять я ее выжал и получил приз – банку сгущенки. Мы развели ее в большом чайнике кипятком и выпили компанией.

– Умный очень? – сказал я, откладывая пилу. – Если городской да еще десять классов закончил, я для тебя деревня неотесанная? Пойдем, сходим, поговорим.

Выяснять отношения со мной в драке один на один было бесполезно. Я свалил бы его, если не первым, то вторым ударом. Но и трусом Олегу казаться не хотелось.

– Ладно, хватит. У меня тоже имя есть, и никакой я не Вещун. Можешь Аликом меня называть.

Подумал я с минуту и протянул руку. Сообразил, что не слишком героическим выглядит мой вызов, если я гораздо сильнее Олега и отмочу его без особых усилий. В общем, помирились мы и даже подружились. И пилой двуручной научил его работать. Но, забегаю вперед, скажу, что крепкой дружбы между мной и Олегом так и не вышло. А то дежурство на кухне закончилось для нас обоих не слишком удачно. Было много работы, правда, и кормили всю смену повара от души. Помню, поужинали мы хорошо, а затем один из поваров вытащил целый таз с вареными мослами.

– Грызите, у кого зубы есть!

Мослы мы грызли с удовольствием, а уже глубокой ночью притащили три мешка картошки, дали ножи, и мы получили задание до утра почистить и помыть ее. Было нас четверо или пятеро, не помню. Наука нехитрая, но не каждый ею владеет. Кто шустро чистит, подправив нож, кто кое-как возится. Олег, что называется, спекся часам к пяти утра. Натер мозоли, стал клевать носом.

– Иди, умойся или походи на морозе, – посоветовали ему, но он с непривычки к однообразной работе буквально засыпал. Нож выронил, с табуретки свалился, потом порезал ладонь, и мы отправили его поспать. Остатки, ведра четыре, почистили сами.

А у меня дня через два разболелся зуб. Ночь не мог спать – такая сильная боль. Взводный отправил меня к врачу. Тот осмотрел рот, взял пинцет и выдернул застрявший глубоко в зубах жилистый разбухший от тепла кусочек мяса.

– Не жадничай в следующий раз, – напутствовал он меня.

Избавившись от боли, я радовался, как никогда в жизни. А с Олегом мы снова поссорились. Из-за стрельбы.

Новый взводный Елагин сильно отличался от простого фронтовика, лейтенанта Морозова, уже наверняка воевавшего, а может, и сложившего голову. Службист! Заставил нас всех постираться, залатать гимнастерки, брюки, ходить только в начищенных ботинках с чистыми обмотками. Спасибо ему, целую неделю долбил взвод, но эти длинные обмотки научил наматывать. А тут как раз погоны получили. Елагин требовал, чтобы пуговицы блестели, а погоны сидели как положено. Мы хоть и бурчали, но, приведя себя в порядок, с удовольствием гляделись в зеркало. Следом за нами подтянулись и другие взводы.

Науки мы проходили разные: боевую и строевую подготовку, химзащиту, изучали, разбирая и собирая по десять раз винтовку Мосина – одну на отделение. Стреляли мало. Перед присягой и раза два по три патрона за всю зиму. К весне дело наладилось.

Кстати, в марте мы проводили на фронт первую группу из нашего взвода. Ушли человек двадцать. Те, кто постарше или служившие раньше. Попрощались, даже позавидовали, что ребята избавляются от муштры, а сами продолжили учебу. Стали чаще устраивать боевые стрельбы, уже стабильно, раз в неделю. Изучили автомат ППШ, пулемет Дегтярева. Стрелял я неплохо, но не лучше всех во взводе. Однажды начальство решило посмотреть на нас на стрельбище.

Я думаю, что именно тогда производился набор в организованную в полку школу снайперов. Насчет школы мы ничего не знали. В газетах много писали о знаменитом сталинградском снайпере Василии Зайцеве, уничтожившем лично три сотни фашистов, и в том числе одного из лучших снайперов немецкой армии майора Кеннинга. Хорошо запомнилось мне, что Людмила Павлюченко уничтожила 309 немецких солдат и офицеров, а группа снайперов (сколько их было, не упоминалось) уничтожила за время Сталинградского сражения более шести тысяч фашистов.

Из остатков нашего взвода вызвали человек шесть, привезли на стрельбище и выдали не по три патрона, как обычно, а по целой обойме. Зачем-почему, мы не знали. Подумали, что готовят к соревнованиям. Кроме начальника штаба полка, комбатов, некоторых команди-

ров рот и взводов, присутствовал незнакомый мне худощавый майор, лет тридцати, с орденом Красного Знамени. Наверное, какой-то начальник сверху. В общем, начальства толпилось больше, чем курсантов.

Скажу сразу, что из-за волнения стреляли мы все хуже, чем обычно. Я влепил пять пуль с завышением. Даже в девятку не попал. Легли они кучкой между восьмеркой и шестеркой. Очков тридцать пять или тридцать шесть набрал. Слабо! Лучше всех во взводе отстрелялся один парень из Удмуртии. Он был охотником и стрелял очень хорошо. Олег сумел попасть в девятку, восьмерку, а остальные пули ушли по закраинам мишени.

Майор с орденом и сопровождавший его лейтенант осмотрели наши попадания.

– Слабовато, – сказал майор. – Много вы так фрицев набьете! Руки, что ли, трясутся? Ты вот, боец, чего всю обойму раскидал?

Он обращался к Олегу, который всегда выделялся своей подтянутой внешностью, да и стрелял обычно неплохо.

– Больше тренироваться надо, – ответил уязвленный Олег. – Мы в нашем взводе только и делаем, что по лесу с деревьяшками бегаем, а стрельбой почти не занимаемся.

Это был прямой выпад в сторону Елагина, да и остального полкового начальства. Пусть так, но это наше внутреннее дело, незачем жаловаться приезжему начальнику. Майор усмехнулся и пошел дальше по линии стрелков. А вечером в казарме кто-то презрительно высказался по адресу Олега.

– А что, я неправильно сделал, Колян? – обратился он ко мне за поддержкой.

– Можно было помолчать. Без тебя все знают, что стреляем мало. А ты свое «я» опять выпячиваешь, – резко отозвался я.

Олег растерялся. Остальные ребята поддержали меня, а один сказал:

– Ты бы лучше насчет жратвы пожаловался. Баландой с кислой капустой кормят и каши по три ложки.

В конце зимы кормежка действительно ухудшилась. Мы все ходили голодные. Даже в нарядах по кухне редко удавалось нормально подкормиться. Порции отмеряли строго.

– Еще один недовольный отыскался, – оборвал его Никита, командир отделения. – Сходи к комиссару, он тебе объяснит, что Великий пост начался. На Пасху набьешь пузо.

Перед отбоем Олег подошел ко мне:

– Не ожидал я от тебя, Колян.

– Чего не ожидал? Учить меня явился?

В принципе это была мелочь. Через пару дней мне приказали явиться в штаб, и я был зачислен курсантом снайперской школы. А Олег спустя какое-то время был отправлен с очередной группой ребят на фронт. Конечно, не из-за той реплики насчет стрелковой подготовки. Группы формировались и уезжали регулярно. Понесшая в сорок первом – сорок втором году огромные потери Красная армия постоянно нуждалась в новом пополнении.

А в военное училище Олег не попал из-за того, что кто-то из его родственников отбывал срок по политической статье. Может, и несправедливо. Головастый парень. Но такое было время. Я жалел, что со мной не попал в школу Никита Лыков. Он и очков больше, чем я, выбил. Однако его оставили в пехотном взводе.

Это был обычный батальон, занимавший большую казарму, но назывался батальон солидно – «снайперская школа». Взводы и роты были меньше, чем в пехотных подразделениях. В моем втором взводе (опять второй!) было три отделения, по 9—10 человек в каждом.

Запомнилась речь начальника школы, того самого майора с орденом Красного Знамени. По слухам, он воевал в Испании, командовал батальоном под Москвой, имел ранения. Фамилия его была Улитин, и он сразу вызывал уважение. Во всяком случае, кличку «Улитка» никто

ему пристраивать не пытался. Он коротко и веско разъяснил первому набору курсантов, какую ответственную специальность мы получим.

– Хорошо подготовленный снайпер может нанести врагу урон больше, чем целый взвод и даже рота. Василий Зайцев уничтожил триста с лишним фрицев – целый батальон! Но вам предстоит много и упорно трудиться. Занимать позиции с ночи, часами лежать в снегу, на мокрой земле.

Потом выступал замполит школы, еще кто-то из командиров. Мы порядком устали слушать эти общие слова, так как наслушались их вдоволь. Но торжественная часть наконец закончилась, и нас повели в столовую. Обед был менее торжественным, чем речи. Обычные, может, чуть наваристее щи, гороховая каша с волокнами тушенки, горячий, слегка подслащенный чай.

Насчет питания, забегаю вперед, скажу, что, по моему мнению, оно было более калорийным, чем в других подразделениях. Впрочем, это могло мне казаться. Порой, после долгих занятий в поле и ночью и днем, завтракали мы отдельно. Вроде и каши доставалось больше. И сахара к чаю получали дополнительную порцию. Говорили, что для остроты зрения.

Если описывать подробно наши занятия, получится не слишком интересно. Остановлюсь на некоторых деталях нашей повседневной учебы. Первые дни мы, получив каждый свою боевую винтовку, привыкали к ней. Учились держать прицел, учитывать ветер, погоду, правильно давить на спуск. Стреляли холостыми патронами, которые выделяли только снайперам. В момент выстрела за нами внимательно наблюдал взводный или командиры отделений. Не дай бог, дернешься!

Потом пошли боевые стрельбы. В основном по 5—10 патронов в день. Спустя пару лет, уже в Германии, я разговаривал с пленным снайпером. На ломаном русском, показывая пальцами, он расскажет, что на двухмесячных снайперских курсах ежедневно, кроме воскресенья, расстреливал до сотни и больше патронов. Но весна 1943 года, даже после прославляемой каждый день победы под Сталинградом, была для нашей армии тяжелым временем.

В те дни, когда я начинал свою снайперскую учебу, по нашим войскам, прорвавшимся на запад на 400–600 километров, был нанесен сильный контрудар. Части Юго-Западного и Воронежского фронтов оставили в марте освобожденный Харьков, Белгород, часть Донбасса и отступили на 100 с лишним километров. Об этом сообщалось скупое, в обычной манере нашего Совинформбюро. Мы переживали отступление и понесенные большие потери. Так что спасибо и за те патроны, которые выделялись нам для тренировок.

Командиром взвода у нас был лейтенант Петр Федорович Чапыга. Плечистый, кривоногий, будто десять лет служил в кавалерии. Кстати, это он вместе с майором отбирал тогда кандидатов в снайперы. Глаз у него был наметанный, но тем не менее специфика снайперской «работы» вынуждала отчислять в пехоту то одного, то другого курсанта. И даже не из-за плохой стрельбы. Чапыга говорил так:

– Стрелять я вас научу. А вот тот, у кого шило в заднице и выдержки нет, снайпером не станет. Сумеете себя преодолеть или нет, зависит от каждого.

Запомнилось, что нас тщательно учили выбирать места для засады и две запасные позиции. Был оборудован целый снайперский полигон. Что-то вроде нейтральной полосы: неглубокие траншеи, искусственные воронки, бревенчатые завалы (как бы обломки домов), всякий хлам, что может быть на нейтралке. Два древних ржавых трактора, рама от грузовика, сломанные сеялки изображали подбитую технику. Мешки с сосновыми ветками и наклепанными крестами изображали трупы фашистов, пытавшихся атаковать наших славных бойцов, валялись в подтаявшем снегу. Деревянные пушки, какие-то обломки, остатки разбитых дзотов, столбы и колья с обрывками ржавой проволоки – полигон сделали неплохой.

Метрах в шестистах тянулась извилистая условная полоса немецкой обороны. В один из первых дней, после тщательного изучения «нейтральной полосы», Чапыга, выстроив взвод возле траншеи, предупредил, чтобы высушили лучше одежду и обувь. Ночью предстоят уче-

ния. Каждой паре предстояло присмотреть основную позицию для стрельбы и запасную, вроде убежища.

Помню, меня озадачило, что снег был истоптанный, подтаявший, серый, а наши маскхалаты, хоть и застиранные, тоже далеко не белые, все же выделялись на фоне лысых проталин и грязного льдистого снега. Ночью мороз опускался градусов до пяти, зато днем уже разливались лужи. Я сказал об этом Чапыге. Тот усмехнулся, промолчал и приказал поторапливаться. Мы были разбиты на пары. Меня назначили напарником к светловолосому конопатому курсанту года на три постарше меня.

– Чего делать будем? – спросил я. – Мы же, как куклы, в белых нарядах, а там все серое.

– Лучше маскироваться, – подумав, ответил мой временный начальник. – И надо будет «танк» успеть занять. Самая надежная штука. Ни снаряд, ни мина не пробьет.

Я кивал, соглашаясь с ним. Танк – убежище надежное. Не то что бревна или разбитый грузовик.

Тут я увидел, что двое ребят катаются по грязному снегу, размазывают его по халатам. Я, не раздумывая, последовал их примеру. Еще трое или четверо тоже извальяли костюмы. Остальные не захотели стирать после учений испачканные маскхалаты.

– Обойдемся и так!

Нас подняли в три часа ночи. Быстро оделись, получили винтовки, правда, без патронов и вышли к полигону. Помню, что в тренировке участвовали двенадцать или тринадцать пар: «снайпер и наблюдатель». Мы с напарником успели добежать до трактора, прогнали двоих курсантов, пытавшихся лезть к нам.

– Во, бездельники, на готовое прут, – ругнулся мой конопатый командир.

Было очень темно. Мартовская холодная ночь, звезды, хрустящий снег. Мы пристроились под старым трактором НАТИ, в ямках, вырытых нашими предшественниками, даже присыпанных травой. Насчет запасной позиции мудрить не стали. Конопатый командир нашел окоп шагах в семи. Хватило, чтобы втиснуться вдвоем.

И потянулось время. Уже через полчаса я задубел, несмотря на теплую одежду: две пары белья, гимнастерка, плотная куртка, телогрейка и две пары байковых портянок в сапогах. Ощущение было такое, что лежу на снегу. А ведь это не первое занятие. Мы лежали и стояли в обороне по пять-шесть часов, и морозы поджимали куда крепче. Но разница была в том, что, будучи пехотинцами, мы топтались по траншее, переползали друг к другу, пихались, курили. А здесь лежи неподвижно, жди рассвета и высматривай цель.

Я дул на ладони, шевелил пальцами ног и со злостью думал – какого черта нас уложили за три часа до рассвета?! Мой временный командир тихо матерился.

Еще не развиднелось, когда со стороны «немецких позиций» взлетела красная ракета и, шипя, врезалась в мерзлый снег, метрах в семидесяти от нас.

– Эй, курилки! – услышали мы голос Чапыги. – Встать и бегом ко мне!

Кто там был справа, мы не знали, но поняли, что ребята закурили и их засекли.

– Мне долго ждать? – снова крикнул лейтенант.

Двое поднялись и побежали к Чапыге. О чем-то минут пять поговорили, и две фигуры направились в сторону траншеи, обозначавшей наш передний край. Вскоре там застучал лом, зашуршала лопата. Все ясно – эти будут чистить траншею, пока не закончатся учения.

Тем временем рассвело. Мы старательно наблюдали за нашим участком «немецких позиций». Лейтенант Чапыга сидел в полушубке и смотрел на трактор в бинокль. А может, и не на трактор. Мы замерли. Позорно, если нас заметят вторыми. Но лейтенант ничего не заметил, а я тщательно запоминал цели, которые могли стать нашими. Две фашистские морды, торчавшие по плечи из окопа, деревянная легкая пушка, такой же деревянный МГ-34, фанерные рожи артиллеристов и пулеметчика. В глубине возле дощатой стены застыла фигура часового. Наверное, «штаб». Но до него было метров восемьсот.

Из «штаба» вышли две фигуры, помощники Чапыги, и направились к траншеям. На одном была мышинного цвета немецкая шинель, второй – в кожаном плаще. Я мысленно отметил новую цель. До «немецкого офицера» с сопровождающим было метров семьсот. Они шли по ходу сообщения, остановились, а потом внезапно исчезли. Снова красная ракета. Еще пару снайперов зафиксировали, а значит, условно уничтожили. Мы были по счету третьими. Помощник лейтенанта махнул нам рукой.

– Топайте траншеи чистить. Инструмента хватит. – И подколот моего «старшего»: – А ты бы маскхалат мелом еще натер. Он у тебя и так белый, за версту видно, а подбеленный – за полторы засекут.

Мой временный командир молча сопел. Ему было стыдно, что поленился затемнить халат. Из всех курсантов остались незамеченными две пары. Двое ребят из Удмуртии, мелкие, похожие друг на друга охотники спрятались, вырыв нору в снегу. Еще одна пара хорошо замаскировалась в кустах.

Петр Федорович Чапыга объяснял наши ошибки. Те, кто закурил, получили по три наряда вне очереди.

– Мудаки! Вы бы лучше песню спели! Еще кому такая дурь в голову взбредет, отчислю в пехоту. Куряки, невтерпеж им стало! Я бы понял, если бы к бабе так рвались, как к этой махре вонючей. Смотреть не на что, а они сигарки в темноте раздувают.

– А вы совсем не курите, товарищ лейтенант? – переводя тему, спросил кто-то из ребят похитрее.

– Баловался, а в сорок втором бросил, когда в снайперы записали. Есть спецы, которые ночью специально на огоньки охотятся. Насмотрелся. А знаете, почему от одной спички трое не прикуривают?

– Двое в драку – третий в ср...ку, – тут же брякнул один из нас.

– Сам ты ср...а! Про Англо-бурскую войну слышали?

– Чего-то слышали.

– Я «Капитана Сорви-голова» читал, – выкрикнул я. – В Южной Африке крестьяне-буры за свободу дрались. Метко лупили.

– Ну не совсем крестьяне, – поправил меня Чапыга. – Фермеры. Из негритосов кровь сосали будь здоров. Но стреляли прилично. Даже поговорка такая была. Англичанин прикуривает, спичка зажглась – бур увидел. Второй англичанин прикурил – бур прицелился, третий прикуривает – бур нажимает на курок. И все. Промахивались они редко. А вы чего под трактор полезли?

Неожиданный вопрос был обращен к нам с напарником.

– Хорошее укрытие, – ответили мы. – Разве не так?

Чапыга объяснил, что подбитые танки – укрытие хорошее. Когда не один и не два. А одиночный танк или два – всегда под прицелом у фрица. Если уж рискнул, то сиди неподвижно. Выстрелил и сразу уползай, особенно если танк недалеко от немца находится. Забросают зажигательными, дымовыми минами. Выкурят и добьют.

Лейтенант похвалил обоих удмуртов, что выбрали место, в глаза не бросающееся, и лежали терпеливо. Имена у обоих были какие-то старомодные. Одного звали Парфен, другого что-то вроде Флегонта. Ну, мы его Федей называли.

Стрелки были первоклассные. На восемьсот метров с первого выстрела грудную мишень снимали. С обоими я пробыл в снайперской школе до августа и убыли вместе на передовую.

Кстати. Во время одного из перекуров Чапыга разъяснил, по каким признакам отбирали снайперов.

– Вот ты, Першанин, очков с гулькин хрен набрал. Но это, может, и не твоя вина. Винтовки абы как пристреляны, да все подряд из них пуляют. Зато пять пуль уложил хоть и с завышением, но в кучку. Значит, рука твердая и глаз хороший.

Я, довольный, заулыбался, а Чапыга отмахнулся.

– Ты слишком не гордись. Стрелять-то вы кроме Федора да Парфена толком еще не умеете. Ничего, научим.

Оба удмурта, похожие друг на друга, как близнецы, хоть и не братья, невозмутимо курили короткие трубочки. На похвалы не реагировали.

Учеба была напряженная. Помню, я все время страдал от недосыпания. Особенно тяжело было лежать на позициях и выжидать цель. В июне в наших краях дожди, бывает, днями напролет шуруют. Лежишь в луже, затвор винтовки прикрываешь и ловишь цель. Учения уже шли со стрельбой.

Что еще вспоминается из той учебы? Как учили маскироваться. Сержант идет мимо, как наступит сорок пятым кирзовым на лодыжку, аж вскрикнешь. А он нотацию читает, что плохо слушаем наставления, ленимся поглубже зарыться, грязи боимся, а лоб под пулю подставить не жалко. С месяц тренировались стрелять с оптикой. Выстрелов по сто сделали. Больше не удалось. Винтовок с оптическими прицелами не хватало.

Насчет стрельбы у большинства неплохо получалось. Обсуждая будущую тактику, Чапыга не уставал повторять:

– Маскируйтесь лучше. Выстрел – это тьфу! Промазал, и хрен с ним, с немцем. Завтра подстрелишь. А вот себя сохранить – важнее. Про самолеты никогда не забывайте. Фриц из траншеи тебя, может, и не видит, а сверху, если не замаскируешься – весь, как на ладони.

Мы рвались на фронт. Ну а если не на фронт, то как можно больше стрелять. Поражая мишени за пятьсот, восемьсот метров, мы ощущали себя настоящими снайперами. К сожалению, погоня за меткой стрельбой, соревнования, борьба за очки отодвигали от нас более важные вещи. Те, о которых говорил лейтенант Чапыга.

Уже на фронте и после я вспоминал стрелковые кружки, борьбу за звание «Ворошиловский стрелок». Цепочка подростков в вельветовых курточках, модных перед войной, подставки с песком и хлопанье малокалиберок. Восемьдесят семь очков – девяносто два – девяносто пять. Ура! Разве дали бы нам немцы спокойно их отстреливать, если бы мы не зарывались в землю, камни, в гущу кустарника! Да и уползать как можно быстрее после выстрела надо. Фрицы засекли снайперов быстро, а уйти от минометного огня ох как не просто.

В июле простился со своим земляком Никитой Лыковым. Он забежал ко мне на полчаса. Передал короткое письмо своей матери. Настроение, в отличие от многих других ребят, у него было подавленное. У Никиты пропали без вести отец и старший брат. Он был средний, а младшему исполнилось семнадцать.

– Побьют нас всех, Лыковых! – сказал он. – Кто думал, что такая страшная война будет?

– Радовались, дураки, в сорок первом, – отозвался я. – Шапками немца закидаем. А два года прошло, все на месте топчемся.

Вот бы досталось нам, услышь кто такие «пораженческие» разговоры! Особый отдел, как и везде, у нас не дремал. Но не скажу, чтобы сильно прижимали. Всякие разговоры пресекали, стараясь не выносить сор из избы. Ограничивались строгими беседами, обсуждением на комсомольских собраниях.

– У нас в селе, кто ушел в сорок первом, все погибли или без вести пропали, – говорил Никита известную мне истину. – Один без руки вернулся, другой контуженный, трясется весь, даже воды не может сам попить. Сплошное вранье кругом! Бьют нас фрицы, как хотят.

Мне очень не понравилось настроение Никиты. Нельзя с таким настроением на фронт идти. Пытался его успокоить. Но мой дружок был весь взвинчен. А может, убедил себя, что погибнет в первых боях. Говорят, есть такое предчувствие. Попрошался я с Никитой, долго переживал. Потом разговор забылся. Предчувствия Никиты не сбылись. Он дослужился до старшины и после тяжелого ранения вернулся в конце сорок четвертого года домой.

Это я узнал после войны. А нас уже самих готовили на фронт. Свои переживания в голове вертелись. Ребята достали самогона. Скинулись, кто что мог: деньги, портянки новые, подковки для ботинок, мыла кусок. Отрядили в ближнее село двоих ребят побойчей. Принесли бутылки четыре самогона, вареной картошки, огурцов, домашнего ржаного хлеба (как я его любил и вспоминал на войне!) и вечером, после отбоя, отделением отметили окончание учебы. Впереди был фронт. Что это такое? Никто из нас не представлял.

Когда я в августе 1943 года вместе с очередным пополнением прибыл в 295-й стрелковый полк и был определен рядовым бойцом в первый взвод восьмой роты, никто не обратил особого внимания, что прибыл выпускник снайперской школы. Во-первых, снайперских винтовок не хватало, да и были ли в полку снайперы, я толком не знал.

Получил, как и остальные, трехлинейку, сменившую несколько хозяев, противогаз, саперную лопатку и «смертный» медальон-карандаш, в который, как и большинство солдат, никаких писем и данных о себе вкладывать не стал. Считалось плохой приметой. Уже заканчивалась знаменитая Курская битва, и наши войска вели контрнаступление.

После тяжелых июльских боев полк недели две стоял на переформировке. Меня поразило, что во взводе всего тринадцать бойцов. В роте было чуть больше сорока вместо положенных ста двадцати. Задавать дурацкий вопрос «Где остальные?» я не стал, только вспомнил Никиту. Не зря он таким подавленным уходил.

Пополнение, человек пятнадцать, состояло в основном из таких сопляков, как я. Группой пришли человек шесть, уже побывавших в боях, вылечившихся раненых из госпиталей. Встретили нас всех неплохо, но двое-трое «старичков» не скрывали злорадства, особенно когда узнали, что мы пробыли в учебном полку по шесть-восемь месяцев.

– Отоспались, отожрались, – не скрывая злости, брюзжал один из солдат, худой, весь какой-то скрюченный. – Теперь посмотрим, как от немцев бегать будете.

– С тобой, что ли, за компанию? – насмешливо оборвал его высокий крепкий ефрейтор, лет двадцати пяти. – Хлебало-то прикрой, а то помогу.

«Крючок», так я окрестил его, полез ко мне, как к одному из самых молодых.

– Гля, ремень новый! Давай махаться.

И схватил меня за добротный ремень. Я без особого усилия оторвал его худую ручонку и отпихнул. Крючок отлетел метра на два. Со мной ему было не тягаться. Но, хотя я чувствовал свою правоту, меня не поддержали.

– Ты, сопляк, руку на фронтовика не поднимай, – мрачно посоветовал мне боец с автоматом ППШ. – Пока ты неизвестно где груши околачивал, Семен с фашистами воевал.

Мне стало не по себе. Но пришел командир взвода, старший сержант Шишкин, и прекратил свару. Расспросил вновь прибывших, кто откуда, воевал или нет, и распределил по отделениям. Интересный мужик Василий Иванович Шишкин. Полная противоположность своему героическому тезке – Чапаю. Несмотря на неполные тридцать лет, лысый, со светлым пушком за розовыми ушами. Лицо круглое, тоже розовое, и видать, что по характеру добродушный, хотя потребовать умел. На выцветшей гимнастерке – медаль «За отвагу», белый подворотничок.

Мы же, после двух суток пути на эшелоне и трехсуточного марша по пыльным раскаленным дорогам, были серые от пыли. Нам дали два часа постираться, побриться, почистить сапоги и ботинки. В общем, привести себя в порядок. После этого накормили супом с пшенкой и кусочками мяса. Хлеба получили вволю. Помню, что я смолотил едва не половину двухкилограммовой ржаной буханки. Оголодал в дороге. Вечером перед нами выступили командир роты и замполит батальона.

Мы устали, и слова о победоносном наступлении наших войск доходили до меня, как сквозь сон. Наконец нас отпустили отдыхать. Спали мы в землянке на нарах, хорошо присы-

панных сеном. Помню, накрылся шинелью, так и проспал до подъема. Только ночью сбегал разок на двор после литра выпитой воды.

С неделю мы еще простояли на переформировке. Численность роты довели до восьмидесяти человек. Прислали двух новых командиров взводов, обоим лет по девятнадцать, закончили курсы младших лейтенантов. До этого в роте был всего один офицер, капитан Черкасов. Первым взводом по-прежнему оставили командовать старшего сержанта Шишкина. По слухам, Черкасов ценил и уважал его, добивался офицерского звания, но пока не получалось. Требовалось пройти курсы, а капитан Василия Ивановича от себя не отпускал.

Усилили вооружение. Теперь в роте имелись два противотанковых ружья и два станковых пулемета. Автоматов по-прежнему не хватало. В нашем взводе их было всего штук пять. В одну из ночей, проделав пятнадцатикилометровый марш, вышли к рассвету на передовую. Заменили обескровленный в боях полк, заняли траншеи. И хотя они были достаточно глубокие, нам дали приказ окапываться, ровнять воронки от снарядов. Утром я с любопытством разглядывал покатое невспаханное поле. Две сгоревшие «тридцатьчетверки», какой-то танк помельче, разметанный сильным взрывом, и серые бугорки среди травы. Тела наших погибших солдат. Их было много. Помимо воли стал их считать. Дошел до сорока и бросил. Стало тоскливо. А когда ветерок подул в нашу сторону, меня едва не вывернуло наизнанку от густого сладковатого смрада разлагающихся на жаре тел.

До немецких позиций, на гребне холма, было метров семьсот. В нашем отделении числился и крючковатый Семен, с которым у нас получилась стычка. Сейчас мы оба про нее забыли. За эти дни я подружился с Федей Маловым. Оказалось – земляки. Он жил на станции Рузаевка. Это километров двести от моего села Чамзинка. Для фронта не расстояние.

Федор был рослым широкоплечим парнем, а прозвище носил словно в насмешку – Малой. Мне он напоминал старшего брата Федю, воевавшего под Ленинградом. Оба мы с земляком были одного возраста и, если называть вещи своими именами, сопливыми новобранцами. С той лишь разницей, что я проходил подготовку в учебной части семь с половиной месяцев, а Федор – три.

Командир нашей восьмой роты, капитан Черкасов, был для меня, деревенского мальчишки, недостижимой величиной. Меня он, казалось, вообще не замечал, а хотелось, чтобы капитан задал несколько вопросов, и я бы рассказал, что окончил окружную снайперскую школу на «хорошо» и «отлично». И стреляю, наверное, получше, чем этот скрюченный Семен. Но ротный на меня внимания не обращал и, как показалось мне, был высокомерным мужиком.

Чем запомнился первый день на передовой? Минометным обстрелом, который, по словам Шишкина, немцы открывали при любом движении в наших траншеях. Мины с воем летели из-за холма и довольно точно накрывали траншею. Рота, восемь десятков бойцов, занимала полосу шириной с полкилометра – редкая цепочка с двумя станковыми и тремя ручными пулеметами. На «встречу» вновь прибывших немцы мин не пожалели. Выпустили сотни полторы и заткнулись, когда по ним ударили наши тяжелые минометы. Страху за эти полчаса я натерпелся вдоволь. Казалось, каждая мина летит в тебя. В нашей роте один боец был тяжело ранен, двое – легко.

Легко – так объяснил Шишкин. Но с этим словом я был не согласен. Бойцов вели под руки санитары, и были они сплошь в крови. Пятна выступали сквозь повязки, гимнастерки. У одного, словно овечьими ножницами, было изорвано в лохмотья голенище кирзового сапога. Он коротко и бессвязно вскрикивал. Что-то вроде «мама, больно!». Тяжелого пронесли на самодельных носилках. Он молчал, и рука свешивалась вниз. Ее поправляли, но рука упрямо сползала.

Я узнал, что такое «лисыя нора». Узкая щель, вырытая в передней стенке окопа и углубленная ниже дна. Говорили, что она дает шанс выжить, даже если мина упадет в окоп. В этом я сомневался. Если мелкая, калибра 50 миллиметров, то, может, и выживешь. А восьмидесятимиллиметровка, пожалуй, с землей смешает. Но надеяться на что-то хотелось.

Где-то севернее катилось на запад наступление, начатое на Курской дуге. Основная часть войск была переброшена туда. Поэтому такой редкой была наша цепь, один солдат или сержант на пять-семь метров. Правда, боеприпасами мы были обеспечены хорошо. От прежнего хозяина окопа мне досталась цинковая коробка, где россыпью и в картонных просмоленных пачках лежали штук сто пятьдесят патронов и две гранаты РГД-42. Еще сотню с лишним патронов и четыре таких же гранаты мне выдали позавчера утром. Я взял бы и больше, но на меня навьючили две коробки с пулеметными лентами, которые за два дня так оттянули руки, что пальцы сгибались.

Часов в одиннадцать принесли сразу завтрак и обед, уже по фронтовой норме. Наваристый суп с макаронами, пшенную кашу со свининой, чай, сахар и хлеб. Голод меня не отпускал. Я съел все. Снова потянуло на сон, но Шишкин приказал мне занять пост и указал ориентиры. Слева подбитый танк, справа – большой пучок смятой в кучу колючей проволоки и обломков кольев.

– Следи внимательно. Если немцы в своей траншее зашебуршатся или шум моторов услышишь, сразу докладывай. Заснешь – пеняй на себя! Здесь фронт.

– А если немец появится – стрельнуть можно?

Шишкин с минуту подумал.

– Как хочешь. Вообще-то комбат приказывал проявлять боевую активность. Но с такого расстояния все равно не попадешь.

Я так и не понял, стрелять мне или не стрелять. Федя Малов крутился возле меня и горячо советовал:

– Бей сразу. Особенно если офицер появится.

– Без оптики не попаду, – сказал я. И честно признался: – Да и с оптикой расстояние слишком большое. Вряд ли получится.

Кривой Семен, услышав наши разговоры, погрозил мне маленьким грязным кулаком:

– Не вздумай палить. Ни в кого ты не попадешь, снайпер хренов, а мы в ответ полсотни мин получим.

Я не стал спорить. Сплюнул себе под ноги и, зарядив винтовку, принялся наблюдать за немецкой траншеей. Подошел командир нашего отделения Асхат Абдулов. Мы с ним уже познакомились, когда пополнение распределяли по взводам. Постоял со мной минут двадцать. Рассказал, что в селе под Чистополем у него остались двое сыновей. Один родился уже после ухода на фронт.

– А у тебя, Николай, дети есть?

Я засмеялся.

– Какие дети? Я в семнадцать в армию ушел.

Получилось с оттенком хвастовства. Доброволец – герой! Но Абдулов сказал, что я смелый парень.

– Какой там смелый, товарищ сержант.

– Не надо «сержант». Асхатом меня зови. И голову сильно в одном месте не высовывай. Снайперу попадешь на прицел. Или из крупнокалиберного даст, ахнуть не захочешь.

Наверное, сержант хотел сказать «не успеешь», но не смог подобрать нужное русское слово. Достал из кармана и показал увесистую пулю размером с обрезок толстого карандаша. Я подержал ее в руках. Тяжелая.

– Рядом с головой ударила. Из земли выкопал.

Я хотел продолжить разговор с Абдуловым насчет снайпера, но татарин, ободряюще кивнув, пошел дальше.

Хороший мужик, душевный. Сколько ему лет? Может, года на четыре старше, а уже двоих детей имеет.

Немецкая траншея шевелилась, жила своей жизнью. Высовывались каски, раза три начал молотить пулемет. Ничего особенного. Я сдал свой пост и терпеливо ждал ужина и махорки, но вместо этого получил взбучку от ротного. Когда Черкасов быстрым шагом проходил мимо, я, как положено, встал. Капитан отрывисто спросил:

– Фамилия?

– Красноармеец Першанин.

– Чем занимаетесь, Першанин?

Я чуть не брякнул «отдыхаю», но вовремя сообразил, что какой может быть отдых посреди дня. Я же не разведчик, который с ночной вылазки вернулся.

– Да вот, патроны протираю. Винтовку почистил.

Капитан покосился на цинковую коробку с моим боезапасом и выдернул из руки винтовку. Я был спокоен, винтовка была хорошо почищена и смазана. Но капитан проверил предохранитель и рывком передернул затвор. Из казенника вылетел патрон, который я загнал еще на посту.

– Тебя чему, недоделок, полгода учили? Жить надоело или кому-то брюхо решил прострелить? Патрон в патроннике, предохранитель снят! Ты атаку готовишься отражать? Мало у нас самострелов и смертельных случаев из-за разгильдяйства!

На меня посыпался отборный мат. Потом капитан обернулся к Шишкину.

– Разберись с дураком! – и, обматерив меня напоследок, ушел.

Шишкин и Абдулов помогли мне аккуратно вложить обойму в магазинную коробку, поставить оружие на предохранитель и терпеливо, по очереди, объяснили, какому риску я подвергал себя и окружающих.

– Достаточно случайно зацепить крючок – и сразу выстрел, – махал перед моими глазами пальцем старший сержант Шишкин. – В первом батальоне в прошлом месяце такой же раздолбай дружка наповал уделал.

Только мозги посыпались. Даже если себе руку или ногу прострелишь, как минимум в штрафную роту угодишь. Самострел!

Абдулов, в свою очередь, рассказал пару подобных историй и назвал меня раззявой.

– Я думал, ты серьезный парень, комсомолец, а ты!

Он безнадежно махнул рукой. Не оставил мою промашку без внимания и кривой Семен. Тот заставил проверить запалы у гранат. Федя Малов меня успокаивал, но настроение было крепко испорчено. Капитан Черкасов, такой видный офицер, с орденом Красной Звезды, а ругается как сапожник.

Но все быстро меняется. Вскоре все забыли про мое злосчастное упущение, а я, заметив капитана, старался отвернуться. Мог бы и по-человечески сделать внушение, без оскорблений. Сапожник! Как мало тогда я знал, что такое война.

Летний день тянулся бесконечно долго. Я уже хорошо представлял наши позиции, и они казались мне слабыми. Немец наверху – из траншеи не высунешься. Штаб и тылы полка располагались в раскидистой степной балке, в километре за нашими спинами. Из этого километра половину расстояния представляла выгоревшая за лето степь, испещренная воронками разного размера. Меня поразило обилие куч человеческих экскрементов, буквально за линией траншеи. Здесь же, как на свалке, валялись пустые консервные банки, какое-то спекшееся тряпье. Федя Малов поймал мой взгляд:

– Свинство какое-то.

А я почувствовал резь в животе. Только куда идти? Семен, мой сосед по траншее, подбодрил меня:

– Плохо воняет? А ты вылезь, если приспичит. Если за десять секунд управишься, может, и выживешь.

Я решил терпеть и подумал, какой дурак загнал нас в эту низину, которую наверняка заливает во время дождей. Нет бы зацепились за ту гряду, шагах в пятистах позади, если высоту взять не осилили. Справа от нас тянулся сверху вниз глубокий, поросший терновником овраг.

Он шел от немцев и, говорят, был сплошь заминирован. За оврагом держала позицию уже другая дивизия.

Через час терпеть стало невозможно, и Семен посоветовал:

– Иди, сходи вон в тот окоп. Сделаешь дело, и лопаткой за бруствер выбросишь.

Я послушался его совета, и через четверть часа вернулся довольный. Моему примеру последовал и Федя Малой. Семен удовлетворенно кивнул и сказал, что стариков надо слушаться.

– А сколько же тебе лет? – спросил я.

– Когда война началась, двадцать четыре исполнилось. В августе призвали. Вот уже три года. А на войне год за три идет. Выходит, тридцать в сентябре стукнет.

Семен и правда выглядел старше своих двадцати семи лет. Лицо морщинистое, проплешина на макушке. Худой, с тонкими руками. Рассказал, что родом из Куйбышевской области, имеет сына и дочку. Был четыре раза ранен. Один раз тяжело, в живот, пролежал всю прошлую зиму в госпитале. Хотели списать, а потом явилась комиссия сверху и всех выздоравливающих – хромых и кривых – зачислила в симулянты.

– Всех на фронт отправили, кроме безногих да безруких. Даже одного свихнувшегося, – со злым смешком отозвался Семен. – Вот он им навоюет!

На гимнастерке Семена были четыре ленточки за ранения и ни одной медали. Рассказал, что убил шесть немцев, а в роте остался единственным, кто воюет с сорок первого года. Ну, еще тыловики да обозники, может, трое-четверо в полку осталось. После операции на кишках ест жидкое, черный хлеб понемногу. Очень помогает водка, но сейчас ее не выдают. И села поблизости нет, чтобы на чего-нибудь обменять.

– Менять-то на что будешь? – спросил Федя. – На дырявые портянки?

– А это не видел?

Семен приподнял один и второй рукав гимнастерки. На запястьях левой и правой руки поблескивали трофейные немецкие часы. Часов у меня отродясь не водилось.

У нас в деревне председатель колхоза да директор школы часы имели. Карманные.

– Подарил бы, – вырвалось у меня.

– Может, и подарю, – ответил Семен. – Посмотрю, что ты из себя представляешь.

Между тем мой первый день на передовой подходил к концу. Уже темнело. Очень хотелось есть, но ужин ожидался не раньше десяти часов. По светлomu к нам старшина и тыловики не рискуют пробираться. Меня снова поставили на пост.

– Ночью Першанина и Малова не ставь, – слышал я разговор взводного Абдулова. – Заснут к едреной матери или пальнут с перепугу в кого-нибудь.

Мне стало обидно. Я честно отстоял два часа, всматриваясь в сгущавшуюся темноту. А ужина мы так и не дождались. Оказалось, что тыловики, тащившие нам термосы с кашей и хлебом, попали под минометный обстрел. Кого-то убили, кого-то ранили. Несколько человек пошли вытаскивать пострадавших, а меня оставили в траншее. Стой и смотри! Лег спать уже поздно на голодный желудок, да и пить хотелось невыносимо. Но заснул быстро.

Так закончились мои первые сутки на передовой. И мины стороной пролетели, и капитан Черкасов отmaterил за ротозейство, и без ужина все остались. Зато живой!

Последующие дни сталкивали меня с разными, но, как правило, страшными сторонами войны. Я увидел первых погибших у меня на глазах людей. Ребят из нашего взвода. Во время одного из минометных обстрелов, которыми нас потчевали регулярно, восьмидесятимиллиметровая мина влетела в пулеметный окоп. Мы прибежали туда минут через пять, когда огонь начал стихать. Первый номер «максима», сержант лет тридцати, был разорван буквально на куски. Обе ноги срезало по колено, одна рука изжевана, смята. Гимнастерка и живот под ней были разорваны. Внутренности лежали на коленях и страшными скользкими обрубками висели на бруствере. Второму номеру досталось немногим меньше. Он еще дышал, но весь изрешеченный осколками, тоже с исковерканными ногами, умер, когда мы начали его бинтовать.

Пулемет с искореженными рукоятками, казенником, отбросило метра на три, и он лежал на отбитом колесе, нелепо задрав острое рыльце вверх. Из пробитого кожуха с журчанием вытекала вода. Тела погибших завернули в плащ-палатки и перенесли в сторону. Ротный приказал почистить окоп и перенести сюда один из «Дегтяревых». Позиция считалась важной. Метрах в семидесяти шел овраг, тянувшийся от немецких позиций. Несмотря на обилие мин, всегда можно было ожидать, что немцы, сделав проход, выйдут по оврагу к нам в тыл.

– Абдулов, передвинь отделение правее. Ближе к оврагу.

– Будет сделано.

У ротного были красные выпученные глаза. Наверно, хватил стакан. Он посмотрел на меня:

– Снайпер? Трясешься – возьми винтовку и убей фрица. Как они наших.

– Без оптики не достанешь, – угрюмо отозвался я.

Меня задело, что капитан ни за что опять унижил меня.

Слово «оскорбил» я тогда не знал. Добродушный Абдулов потрепал меня по плечу.

– Все нормально. Занимай вон тот окоп. Капитан выпил лишка.

Я перетащил свое барахло в новый окоп, который мне не понравился. Здесь тоже кого-то убили или ранили. Валялись бурые спекшиеся комки бинтов и ваты, я разглядел темное пятно на дне и сровнял дно лопаткой. Потом углубил лисью нору, а из головы не шли изуродованные тела моих товарищей.

На этой же неделе пришел замполит батальона и торжественно объявил, что нашими войсками освобожден Харьков. Мы уже об этом знали, но вяло прокричали «ура». Замполит любил поговорить и, хотя слыл мужиком неплохим, утомлял нас своими речами. Войдя в раж, порой по часу клеймил фашистов и перечислял наши бесчисленные победы, особенно в Курской битве. Но солдатское радио уже донесло до нас и о Прохоровке, где застыли сотни сожженных «тридцатьчетверок», и о полях, где разлагающиеся трупы лежали тысячами, а их не успевали хоронить.

Так что особого восторга мы не проявляли. И как ни странно, все с нетерпением ждали наступления. Вроде и участок относительно тихий. Потери не слишком великие, которые сразу возрастут, когда мы двинемся вперед. Немец без большой крови свои позиции не отдавал. Но замполит, с новеньким орденом Отечественной войны (это кроме Красной Звезды), толком насчет наступления не сказал и призвал крепить боеготовность.

А я, выполняя приказ, или пожелание, ротного, с семисот метров выстрелил по высунувшемуся из траншеи немцу. Конечно, не попал. Фрицы ответили пулеметными очередями и дежурной порцией мин. Шишкин посоветовал больше не стрелять, а Семен обругал меня:

– Хочешь с оторванными яйцами валяться?

– Ротный приказал, – со злостью отозвался я.

– Ротный стакана два на грудь принял и спит в своем блиндаже. Его миной не достанет.

Однажды целую ночь шел дождь. Мы промокли, как цуцки, в две землянки набивалось человек двадцать. А взвод уже укомплектован до тридцати с лишним человек. Шишкин, про-

явив неожиданную злость, половину людей из землянок выгнал. Кто-то замешкался и получил от старшего сержанта пинок.

– Чаво ты, как бешеный, – бурчал голос из темноты.

– Чаво, чаво! Мина влетит, и десять трупов, – выругался в сердцах Шишкин.

Пришло еще пополнение. Два узбека и русский парень из освобожденной Белгородской области. Пополнение оказалось паршивым. Узбеки косили, что ничего не понимают по-русски, винтовки держали, как палки, и о чем-то быстро перешептывались друг с другом. Ночами оба мерзли и команд не понимали. Когда один из них уснул на посту, Абдулов обругал его и приказал:

– Клади винтовку. Пойдешь в обоз. Ишаков запрягать умеешь?

– Умею, умею, – кивал тот, лихорадочно затягивая мешок.

– А, сука, понимаешь по-русски! – Семен пнул прижухшего бойца. – Жить хочешь? Плов с урюком жрать! А мы, значит, не хотим?

Узбеки поняли, что под дурака свалить не удастся, и стали понимать команды. А парень из Белгорода, фамилии не помню, смертельно боялся минометных и артиллерийских обстрелов. Он рассказывал, что несколько раз попадал под страшную бомбежку, погибли соседи, дедушка. Его самого едва откопали.

– Жалко дедушку? – насмешливо поддел его Семен.

– Жалко!

– И сколько лет ему было?

– Семьдесят с чем-то.

– А Кольке Першанину и Федьке Малову – по восемнадцать. Каждый день башкой рискуют, как и все мы. И пулеметчикам, которых миной разорвало, не больше тридцати было. А он панихиду по дедушкам-бабушкам завел.

К белгородцу прилипла кличка Бабушка. В общем-то, он был старательный парень, но пережитый или врожденный страх сделали его никудышным солдатом. Бабушка нырлял в лисью нору при первом звуке летящей мины и боялся высовывать голову из траншеи, даже когда стоял на посту и обязан был наблюдать за происходящим.

Ну, что еще вспоминается в первые недели? Я постепенно привыкал к передовой, хотя по-прежнему боялся мин. Пережил артиллерийский обстрел. Немцы сыпали увесистые снаряды на противотанковую батарею, расположенную метрах в двухстах за нами. Батарея была хорошо замаскирована и закопана в землю, но немецкая «рама» ее все равно засекла. Фрицы обрушили на единственную противотанковую защиту батальона огонь из гаубиц калибра 105 миллиметров.

Снаряд этой штуковины, величиной с хорошее полено (я видел потом один неразорвавшийся) и весит почти пуд. Ребятам досталось крепко. Два орудия были разбиты, одно – повреждено. Погибли четырнадцать артиллеристов и два бойца из седьмой роты. Ребята насчитали почти сотню воронок. Гады-фашисты, откуда столько снарядов берут? Наша гаубичная батарея выпустила два десятка снарядов в ответ, а нас отрядили помогать артиллеристам хоронить погибших.

И хотя была ночь, командир батареи приказал дать три залпа из карабинов. Не думайте, сволочи, что до смерти нас испугали. Немцы лупанули по вспышкам из пулеметов, повесили несколько световых ракет. Мы пересидели их стрельбу в воронках и отправились к себе. Ничего, гады! У нас противотанковые ружья есть, гранаты, бутылки с горючкой. Плюс мины. Суньтесь только!

Но фрицы не сунулись, а вскоре мы перешли в наступление. Через позиции перевалили танки и двинулись вперед. Тяжелые КВ, «тридцатьчетверки» и легкие БТ и Т-26. Следом поднялась и пошла пехота. То есть мы.

Думаю, если бы нас кинули в лобовую атаку вверх по склону, от батальона мало бы что осталось. Но немцы, боясь попасть в клещи, ночью отступили, оставив небольшой заслон, который к рассвету тоже испарился. Первую и вторую линии мы взяли почти без потерь. На минах подорвались два танка, но не сгорели. Экипажи остались ремонтировать порванные гусеницы. По-глупому, у меня на глазах, погиб боец из нашей роты. Полез в блиндаж. Успел только ручку дернуть. Шарахнул приглушенный взрыв, отбросив массивную, расщепленную взрывом дверь, которой накрыло бойца. Мы увидели дергающееся тело с оторванной по локоть рукой, пробитое десятком осколков.

Целый день шли без остановки. Два коротких привала. Гречневая каша и консервированная американская колбаса. Я такой штуки ни разу не пробовал и с удовольствием умял полбанки, выданной нам с Федей на двоих. Над головой плыли группами по девять-двенадцать штук бомбардировщики. Истребители, стремительные и остроносые «яки», пронеслись, снижаясь почти до земли. Нас обгоняли «студебеккеры», с орудиями на прицепе, небольшие полугрузовые «виллисы». Некоторые везли на прицепах легкие «сорокапятки» и минометы. А если учесть, что танки с десантом вперед прошли... Во, силища!

Спали часа три, прямо на земле, завернувшись в шинели, потом снова шли и все явственнее слышали буханье взрывов. Передовая! Мой первый бой.

Немцы закрепились опять на бугре, среди полуразбитых хат украинской деревеньки. Сады, множество яблонь и груш, среди которых терялись белые мазанки с соломенными крышами и маленькими окошками. Деревеньке повезло, фашисты сжечь ее не успели, за исключением нескольких домов – слишком быстро передвигались наши передовые части. Но перед деревней танки угодили в засаду.

Две «тридцатьчетверки», обе без башен, полыхали вовсю. Третья вела огонь с места. Повредило ходовую часть. За танками, рассыпавшись по канавам и овражкам, залег десант. Уцелевшие танки отошли и стреляли по непонятным мне целям в деревне.

Наша рота тоже залегла. Последовала команда окапываться. Но земля была такая твердая, что саперные лопатки лишь скребли поверхность. Тогда мы тоже стали расползаться по ложбинам. Федя и я залезли в канаву и, стараясь не поднимать пыль, нагребли небольшой бруствер. К нам перелез Семен и стал сворачивать самокрутку. Подбитый танк стоял метрах в трехстах от нас и продолжал стрелять.

– Сейчас они его уделают, – хладнокровно сообщил Семен. – И бежать ребятам нельзя. Танк ведь не горит.

Накаркал! Сильный взрыв встряхнул «тридцатьчетверку». Машину развернуло от удара. Двое танкистов выскочили и, пригибаясь, нырнули в воронку. А над моторным отделением поднимались огоньки коптящего пламени. Вскоре танк запылал. Внутри глухо ахнуло несколько взрывов, но башня осталась на месте. Наверное, снарядов мало оставалось.

– Вот уж куда бы не пошел, так в танкисты, – рассуждал Семен. – Живьем горят.

– Зато в пехоте сладко, – поддел его Федя Малов. – Сам говорил, что один в роте с сорок первого остался.

– Везде хреново! – ожесточенно затушил самокрутку Семен. – Гонят, как скотину на убой.

– Землю свою освобождаем, – вмешался я.

– Не хрена было рот разевать! На границе все знали, что немец нападет, а чего-то ждали. Полководцы! Глянули бы вы, что в сорок первом творилось! А в сорок втором, под Харьковом? Вся степь усеяна брошенными машинами и повозками. Удирали, только пятки сверкали, а теперь корячимся, назад землю отбираем.

Ударила наша артиллерия. Стреляли гаубицы. Впереди поднимались фонтаны земли. Шишкин, с окровавленной щекой, обежал цепь и сказал, что двигаемся вслед за танками. По свистку.

– Кто отстанет, ротный обещал лично пристрелить. Раненых не подбирать. Есть санитары. И не ложиться. Ляжешь – гибель.

Из-за рощи двинулись танки. Они быстро набирали скорость, изредка останавливаясь и стреляя на ходу. Отставая от них, что-то крича, бежал десант. Поднялись наша и седьмая рота. Я еще не осознавал, что это атака, в которой чаще всего и убивают. Прибавляли бодрости танки и десант. Хотя нам доставалось поменьше, ударили из пулеметов и по нашим ротам.

– Ур-ра! За Сталина!

Да, так мы кричали. И матерились, и орали что-то еще, гася в себе страх. Мы с Федей бежали рядом, позади – Бабушка.

– Чего прячешься? – обернулся, тяжело дыша, Малов. – А ну, вперед!

И хотя Федя был рядовым пехотинцем, как и Бабушка, тот послушно вырвался вперед. Господи, как он боялся! По мертвенно-бледному лицу текли крупные капли пота, он задыхался, но продолжал бежать. Наверное, человек чувствует свою смерть или тяжелое ранение. Проживший в оккупации два года, работавший на каком-то заводе, чтобы прокормить семью, и подозреваемый особым отделом во всех грехах, белгородец честно бежал в цепи.

Не ложился, хотя вокруг уже падали бойцы. Одни лежали неподвижно, другие кричали, звали санитаров.

Белгородца сбило на наших глазах. Подламываясь, он повалился, как тряпичная кукла. У парня были перебиты обе ноги выше колен. Он попытался подняться и снова свалился на неестественно выгнувшихся ногах. Шаровары, обмотки мгновенно набухли кровью. Шишкин налетел на нас сзади:

– Чего там?

И хотя задерживаться было запрещено, Федю отправил вперед, а меня оставил. Быстро и ловко он перетянул обрывком веревки одну ногу и крикнул мне:

– Ремень, да не этот! С брюк!

Так же крепко перетянул моим ремешком вторую ногу. Нашу маленькую группу уже заметили, и пулеметная очередь взбила фонтанчики земли метрах в трех от нас.

– Все, вперед!

– Я же умру, – собрав все силы, выкрикнул Бабушка.

– Сейчас санитары подберут.

Цепь, рассыпаясь, охватывала восточный край деревни, а весь бой запомнился мне какой-то суматошной громкой неразберихой. С Федей Маловым и еще двумя бойцами мы бежали, выставив винтовки к крайнему дому, ожидая каждую секунду немцев. Но из-за плетня выскочили сержант Абдулов и еще двое наших бойцов. Сказали, что немцев здесь нет. Стрельба шла в стороне. Сержант приказал мне:

– Лезь на чердак. Глянь, где фрицы.

Я ловко вскарабкался на чердак, и первое, что увидел, огромный копченый окорок, висевший под стрехой. Сразу захотелось есть. Мои родные края небогатые. Перед войной мясо ели по праздникам, а окорок я пробовал раза три в жизни. Я на минуту забыл даже про бой, нюхая копченую лытку.

– Ну, что там? – кричали снизу.

В дыму и вспышках понять что-то было трудно. Я долго вглядывался, потом по крыше что-то сильно шарахнуло. Я покосился еще раз на окорок и спрыгнул вниз.

– Вон там фрицы, – уверенно сказал я, рассудив, что где стреляют, там и враг.

Побежали дальше. Посреди улицы горел мотоцикл. Наш или немецкий – непонятно, но горел так сильно, что я удивился. Железяка с гулом полыхала, как грудa сухого хвороста, облитого бензином. Дым был черный, колеса тоже горели вовсю. Жар стоял такой, что и на пять метров не подойдешь.

Из неожиданного замешательства меня выбил воющий звук летящего снаряда, который взорвался далеко позади. Бросился догонять своих. Пробегая, увидел в кювете на обочине два трупа. Земля на Украине в основном черноземная. Но в этой деревне было много известняка. Трупы были покрыты засохшей серой с бурыми пятнами известковой коркой. Словно жуткие куклы. Я прибавил ходу и на бегу доложил Абдулову о найденном окороке. Тот рассеянно похвалил и велел запомнить дом. Но особой радости не проявил. Позже я пойму, что семейный сержант больше думал о том, как выжить. Он командовал, вел за собой бойцов, но смерть воспринимал по-другому, чем восемнадцатилетний парень, не веривший, что его могут убить.

Перед немецкой траншеей я увидел еще трупы. Много. Пятнадцать или двадцать, а может, больше. Меня поразил вид этих тел. В фильмах о Гражданской войне погибшие красноармейцы лежали красиво, в новых гимнастерках, отрешенно глядя в небо или обнимая родную землю. А здесь смерть словно издевалась над людьми. Один солдат лежал скрюченный, с оторванной ногой, уткнув голову в колени. У другого – гимнастерка вместе с нательной рубашкой задралась до подмышек и виднелась белая незагорелая спина. Еще один боец был словно измят огромным катком: пропитанная кровью гимнастерка и шаровары, нелепо торчавшие сломанные руки. Кто-то еще шевелился, кого-то перевязывали санитары. Я растерянно вертел головой, но меня пихнули в спину:

– Давай быстрее!

Позже мне доведется увидеть целые поля, заваленные телами. И наших, и немцев. Но в том бою и два десятка трупов, лежавших на пяточке деревенской площади, казались целым кладбищем. Бой длился недолго. Немцы оставили деревню. Я видел, как по склону катились грузовики и несколько диковинных бронированных машин – впереди колеса, а позади гусеницы. Они огрызались частыми очередями, и звук пулеметов необычный, словно молотили палкой по железной бочке. Кто-то сказал:

– Ложись! Из крупнокалиберных лупят. Если врежет, не встанешь.

Я уже видел, как выглядит немецкая тринадцатимиллиметровая пуля, и невольно вжался в землю. Семен, стрелявший из автомата частыми короткими очередями, сменил диск.

– А ты чего винт под боком держишь? Патроны экономишь?

Я выпустил пару обойм неизвестно куда. Потом появились наши танки, сделали несколько выстрелов из пушек вслед отступающим немцам и рванули вдогонку.

Рота недолго оставалась в деревне, и я сразу побежал за окороком. Но меня опередили. Чердак был пуст. Эту аппетитную свиную ногу я вспоминал долго. Хорошо, если за восемнадцать лет пару раз на Пасху ветчину ел, а тут целый окорок! Значит, не судьба.

Бабушка, парень из Белгорода, родивший в оккупации ребенка и очень боявшийся смерти, выжил. Кто-то из наших сообщил мне, ему ампутировали ногу. Если все будет нормально, вернется домой. Шестерым бойцам из нашей роты повезло в том бою меньше. Мы похоронили их на площади безымянной украинской деревни. А для оставшихся в строю война продолжалась. В полк поступили снайперские винтовки, и меня из роты отозвали. Я стал именоваться снайпером.

Сначала нас, небольшую группу снайперов, держали при штабе полка. Мы болтались несколько дней без дела, ходили в караул. Решали, как нас лучше использовать. Потом раскидали по стрелковым батальонам – получилось по два-три человека. Работайте, ребята!

Хотя я и числился снайпером, но исполнял обязанности напарника старшего сержанта Ведяпина Ивана Митрофановича. Ставил он себя высоко, поэтому, кроме звания, сообщил имя-отчество, рассчитывая, что я буду тянуться перед ним, как перед офицером. Ведяпину было года двадцать три, он имел на счету тридцать с лишним уничтоженных фрицев и носил на груди орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Для сентября сорок третьего года это

был солидный набор. У нас в роте орден имел только капитан Черкасов, да еще три-четыре медали были у бойцов.

Высокий, костлявый, широкий в плечах, Ведяпин был с Урала. Работал в какой-то артели, а зимой охотился на пушного зверя. Поэтому его взяли в снайперы без всяких курсов. Первое время Ведяпин держался на расстоянии. Меня задевало, когда я приносил в котелке кашу на двоих, то Ведяпин выкладывал свою порцию в миску и вместе со мной не ел. Брезговал, что ли?

– Не бойся, я не заразный, – не выдержал я как-то.

Старший сержант ничего не ответил.

Задевало то, что, когда мы уходили «на охоту», мне никогда не разрешалось стрелять. Я выступал в роли наблюдателя и со злостью слушал, как, посапывая, «отдыхает» мой шеф. Надо отдать должное, стрелял старший сержант отлично. Выбирал хорошие позиции, учил меня тщательно маскироваться, и сразу после выстрела мы отползали в запасное укрытие.

Я слышал, что некоторые снайперы могли стрелять по несколько раз с одного места, особенно когда есть защита. Из-под танка, из-под сваленного толстого дерева, из развалин кирпичного дома. У Ведяпина была другая манера. Выстрел, очень редко второй, и мы исчезали. Возможно, это была самая правильная тактика. Хотя, по моему мнению, бесконечная смена и оборудование позиций сказывались на боевых результатах. За три неполных недели Ведяпин уничтожил трех немцев, одного из которых ему не засчитали. У меня результат был нулевой. Я был недоволен своим напарником и откровенно нарывался на скандал.

Моя «работа» изменилась после одновременной гибели в первом батальоне снайпера и его напарника. Они укрылись под сгоревшим танком Т-34 на нейтральной полосе и за утро сняли немецкого офицера и пулеметчика. Показалось мало. Но немцы их засекли, подогнали свой танк и всадили в укрытие штук семь зажигательных снарядов. Какой дьявольской смесью были начинены снаряды – неизвестно. Но «тридцатьчетверка», и так сгоревшая до основания, на этот раз пылала так, что смотреть было жутко. Сгорело и расплавилось все, кроме брони и гусениц. Танк осел на полметра, я сам ходил смотреть.

Снайпер сгорел в железной утробе, а помощник, обгоревший до костей, сумел отползти метров сорок, и здесь его исколошматили перекрестным огнем несколько пулеметов. Рассказывали, когда вытаскивали ночью, от тела отваливались куски. Исковерканную винтовку, которую он до последнего не бросил, доставили в штаб дивизии. Обоих бойцов представили к ордену Отечественной войны. Если не утешение, то память родителям.

– Видел? – поучал меня Ведяпин. – А ты меня слушать не хочешь. Необдуманно вели себя ребята. Ни за грош погибли. Отползть им надо было.

– Ага, как ящерицам, – фыркал я, хотя в душе был согласен, что погибшие непростоительно промедлили. – В следующий раз стрелять я буду. Хватит у тебя на хвосте сидеть.

На очередной вылазке старший сержант опередил меня. Но я уже закусил удила, и чтобы не портить отношений, он сдался и временно взял на себя роль наблюдателя. Я сразу же позорно промахнулся с четырехсот шагов, хотя фриц с полминуты вертел башкой и даже высунулся по грудь. Пуля стеганула по брустверу, сантиметрах в тридцати от немца, и тот мгновенно исчез. Я не учел боковой ветер. Зато на другой день, учтя все ошибки, снял пулеметчика. Вояка, видно, был ценный, потому что, кроме пулеметов, по нам ударила автоматическая пушка «собака», которая своей захлебывавшейся быстрой стрельбой напоминала лай дворовой собаки. 37-миллиметровые снаряды буквально простегали каменистую осыпь, но опоздали.

Мы уже перемахнули в заранее выдолбленное в глине укрытие, защищенное бруствером, и лежали, слушая вой мин, которых высыпали даже больше нормы. Все же молодец Иван! И ложбинку предусмотрел, которую мы ночью целый час углубляли, и эти норы, в которые мы сумели забраться незамеченными.

С того дня я несколько уравнил свое положение в нашей снайперской паре и через раз работал как стрелок. Когда довел счет до пяти фрицев (шестого не засчитали, не было свидетелей), меня вызвал комбат, похвалил и пообещал представить к медали. Присутствующий при этом замполит высказал две претензии: что я не бываю на комсомольских собраниях в своей восьмой роте, где я состою на учете, и что устраиваем позиции слишком близко к траншеям. Мы с Ведяпиным после выстрела исчезаем, а мины летят в людей.

– В седьмой роте два дня назад бойца убило...

– И в седьмой, и в третьей! И не по одному погибло, – вдруг разозлился комбат. – Люди сидят, никакой активности. Пулеметчики цинк патронов спалят и докладывают – дюжину фашистов ухлопали. Минометный взвод, те вообще за неделю и пушку разнесли, и три пулеметных гнезда, а фрицев в докладной аж два десятка карандашом на бумаге перебили. Да если б каждый из нас по одному гаду убил или даже крепко ранил, война бы уже кончилась. А боец Першанин шесть немцев ухлопал. Почти отделение. Ладно, иди, Першанин. А к своим траншеям не жмитесь, комиссар дело говорит. Ваши же друзья расплачиваются.

– Мы не жмемся. Ближе ста метров от окопов никогда позиции не оборудуем. А чаще...

– Иди, иди! Так и воюй!

На следующий день мне присвоили звание «младший сержант». Пил я тогда мало и накопил почти полную фляжку водки. Обменяли с Иваном у тыловиков подобранные на нейтралке трофеи (наган, складной нож, стопку открыток с голыми бабами, плоскую немецкую фляжку на пятьсот граммов и еще кое-какие мелочи) на бутылку спирта, две банки кильки и кусок сала.

Вообще-то наган я себе хотел оставить. Полезная штука, но Иван сказал, что найдем и получше. Выпить как следует ему хотелось.

Отметили успехи в «своей» восьмой роте, пригласив Василия Шишкина, Асхата Абдулова, Федю Малова, Семена. Поговорили о жизни, о письмах из дома. Я рассказал, что получил письмо от старшего брата Федора. Половину вычеркнула цензура, но главное, Федя был жив и, судя по намекам, воевал по-прежнему под Ленинградом.

– Конечно, вычеркнули, – сказал Семен, с трудом прожевывая старое жесткое сало. – Полгорода от голодухи вымерло. Людей штабелями в ямах хоронили.

Помолчали и выпили за погибших. Шишкин пожаловался, что все обещают присвоить «младшего лейтенанта» и тянут. А он взводом уже четыре месяца командует.

– Столько не живут, – отпустил мрачную шутку Семен.

– Типун тебе на язык!

Федя Малов рассказал, что призвали в армию сразу двух младших братьев: родного и двоюродного.

– Хорошо, если месяца три подготовиться дадут, а то сунут в маршевую...

Он не договорил. Новички гибли пачками. И под самолетный огонь первыми попадали, и снайперы их чаще убивали. Любопытные, как цыплята. Поговорили о знаменитом Восточном вале, который Гитлер воздвиг по Днепру. Немцы сбрасывали листовки и обещали, что «остатки» Красной армии будут перемолоты при штурме укреплений, и, как обычно, приглашали переходить на их сторону.

– Какой дурак сейчас пойдет? – сказал Семен. – Наши везде наступают. Вот в сорок втором, помню, сотнями переходили. Сам видел.

Я хотел поддеть бурчливого Семена, не собирался ли он перебежать, но раздумал. Выпили за семьи, за детей, у кого они были, и потихоньку разошлись. В тот день я еще не знал, что больше этой компанией мы никогда не соберемся. Пополнившийся людьми и техникой полк после короткой передышки снова пошел в наступление. Шла битва за Днепр. Штурм этого долбаного Восточного вала.

В конце сентября дивизии и полки нашего Воронежского фронта, позже переименованного в 1-й Украинский, с огромными потерями форсировали Днепр. На правом берегу был

создан знаменитый Букринский плацдарм (г. Великий Букрин), который сыграл важную роль в успешном наступлении наших войск, а позже – во взятии Киева.

Но до масштабов фронта мне, восемнадцатилетнему мальцу, было далеко, как до Луны. Вся моя жизнь ограничивалась масштабами третьего батальона 295-го стрелкового полка и ставшей родной восьмой роты. Мы шли, ведя бои за бесчисленные Первомайки, Кричевки, Ольховатки и прочие деревушки и маленькие городки, большинство из которых я и названия не знал.

Что осталось в памяти от тех сентябрьских и октябрьских боев? Первой серьезной потерей для меня стала гибель Феди Малова. Малой! Он совсем не был малышом, крепкий, решительный парень. Красивый. Вместе со взводом бежал под огнем в атаку. Несколько осколков снаряда пробили ему грудь и живот. Он умер через несколько минут, находясь в сознании. О его смерти мне рассказал Абдулов. Федя не мог представить, не верил до конца, что умирает. Пытался встать, просил:

– Надо врача скорее. Я ведь буду жить?

Он истек кровью, и его последние минуты были мучительными не столько от боли (вряд ли он ее чувствовал), а от тоски и жалости к матери. Его похоронили в братской могиле. Когда я пришел туда, там был только холм. Саперы сколачивали дощатую пирамиду, выжигали раскаленным гвоздем фамилии и инициалы тех, кого сумели опознать. Но через день-два тяжелый снаряд разнес памятник и раскидал останки погибших. Федю Малова хоронили дважды.

Я довел счет убитых немцев до десяти. Их было больше, но засчитывали не всех.

– Вас послушать, и воевать уже не с кем, – осадил меня один из офицеров штаба полка. – Слишком много фрицев без свидетелей кладете.

Ни я, ни Иван не спорили. Тем более меня пообещали представить к медали «За боевые заслуги».

А через четыре дня погиб Иван Ведяпин. Он был немного странный человек. Взять хотя бы дурацкую историю с миской. Почти все напарники и друзья ели из одного котелка. Во второй наливали чай или сами кипятили, используя часто вместо заварки разные травы, вроде иван-чая, смородиновые листья. А Иван брезговал, что ли, или еще почему, хотя в нечистоплотности меня не обвинишь. Не нравились мне первоначальные попытки заставить меня называть его по имени-отчеству. Папаша нашелся! Мы нашего взводного Шишкина в своем кругу часто просто по имени называли, и никогда он не выделялся.

Впрочем, позже я понял его странности. Подмастерье в артели, неуклюжий, с торчавшими конопатыми ушами, почти неграмотный, Иван Ведяпин был далеко не первым парнем в своей деревне. Ванька, и все. А самолюбие лишь вызывало насмешки. И девки конопатого, не слишком привлекательного долговязого парня обходили вниманием, поддразнивая его попытки пыжиться. Иван делился со мной своей прошлой жизнью. В принципе, в деревне относились к нему неплохо, но не так, как ему хотелось. Ведяпин с обидой вспоминал, как однажды заявился на посиделки в добротном, но старомодном отцовском костюме, в сапогах, со взбитыми в диковинную прическу редкими волосами, в фуражке с лаковым козырьком и подумался еще цветок в кармашек уместить.

– Ты, Ванька, свататься никак пришел? – заливались над ним девки.

А он и ответить толком не мог. Если в семнадцать лет я мог все это воспринять по-ребячески просто, то двадцатилетний Иван тогда всерьез обиделся. Забросил подальше отцовский костюм и на посиделках больше не появлялся. Сошелся с вдовой, живущей на полустанке, километра за три от деревни. Получив в первые дни войны повестку, сумел выжить в жуткой круговерти сорок первого. Отступал, прошел, как окруженец, через особый отдел, где его за путанные показания хорошо дубасили, но все же «отпустили на фронт» рядовым красноармейцем пехотного взвода. Был ранен, контужен и сгинул бы безвестно, если бы случайно в присутствии командира батальона не снял метким выстрелом немецкого наблюдателя.

– Глянь, какой! Ну-ка попробуй еще! – удивился комбат.

Иван и без оптики редко промахивался. После шестого или седьмого фрица получил снайперскую винтовку. Счет пошел в гору. Написали про отважного снайпера в дивизионку, потом пропечатали во фронтовой газете. Быстро вырос до старшего сержанта, получил награды, уважение. Научился выступать перед бойцами и даже командирами. Направили почетное письмо в адрес секретаря райкома. Верным ленинцем, сталинским героем проявил себя ваш земляк Иван Митрофанович Ведяпин! Проснулась, заиграла гордость. Плохо? Да нет. Если и перебарщивал иногда Ведяпин, видевший себя лейтенантом, а может, капитаном или даже, чем черт не шутит, – Героем Советского Союза, то ничего особенного в этом никто не видел. Заслужил! Четыре десятка фашистов уничтожил. Умелый, осторожный был снайпер, но и немцы свое дело знали. Произошло все вот как.

В последних числах октября, когда шли бои за Киев, мы с Ведяпиным вышли с ночи на нейтральную полосу. Здесь захлебнулась одна из атак полка, и поредевшие батальоны, наскоро вырыв окопы и траншеи, застряли, ожидая подкрепления. Когда в ту войну жалели людей! Наш полк практически не существовал. В извилистые траншеи, которые то приближались к немцам на три сотни метров, то дугой выгибались в нашу сторону до полукилометра, согнали тыловиков, комендантский взвод, и даже писарей.

Потери были очень большие. Василий Иванович Шишкин, получивший «младшего лейтенанта», орден Красной Звезды и пару мелких осколков в руку, по просьбе комбата остался в строю. Осколки ему вытащили в санроте, перевязали руку, и он продолжал командовать взводом, насчитывающим полтора десятка человек. А офицеров в восьмой роте осталось всего двое – Черкасов да Шишкин. Оба младшие лейтенанты были убиты. Двумя взводами командовали сержанты: Абдулов и второй, незнакомый мне.

Я встретился с Василием Шишкиным накануне той злополучной вылазки. Выглядел он неважно. Кто не был ранен, может, меня и не поймет. Кажется, пустяк: вытащили из-под кожи два кусочка металла размером с ноготь, прочистили, зашили, забинтовали, укол от столбняка сделали, дали сутки отлежать, и воюй дальше. Но чертова инфекция, с которой в ту войну бороться как следует не умели, скрутила улыбчивого младшего лейтенанта. У него была высокая температура, покрасневшие мутные глаза. Не было тогда пенициллина. Американский порошок продавали в тылу за бешеные деньги, а в элитных госпиталях лечили им только очень важных персон.

Чувствовал я, не было у моего фронтового друга, Василия Шишкина с его двумя детьми, женой и родителями в тылу, желания опять испытывать судьбу, когда он обходил, шатаясь от слабости, свой взводик. Повалиться бы в медсанбате недельку-другую. Может, обманет в очередной раз судьбу. За два года три раза был ранен. Бог троицу любит. Шарахнет в четвертый раз мина или снаряд под ноги, и прощайте все! Обнялись мы, за жизнь поговорили. При этом присутствовал Иван Ведяпин.

– Че-то ты плохо выглядишь, младшой, – заметил мой напарник. – Ранен? Ну и шел бы в санбат.

Покровительственный тон снайпера Василию Ивановичу не понравился.

– Тебя не спросил!

– Ну-ну, геройствуй. Сам себя не побережешь, никто не позаботится. Мы с твоим другом (он кивнул на меня) это хорошо усвоили. Лишнее геройство до добра не доведет.

Не обращая внимания на Ведяпина, Шишкин поговорил со мной еще пяток минут. Подошел, покурил за компанию Семен, который ко мне заметно изменился.

– Молодец, сержант! Я знал, что из тебя толк будет. – Обратил внимание и на Ведяпина, окрестив его Вороной: – Ты бы, Ворона, поменьше каркал, а то накличешь беду на других или на себя.

Как в воду смотрел странный мужик Семен, фамилия которого выскочила у меня из головы. Битый, язвительный, умный, заваленный в блиндаже снарядом и чудом сумевший выползти с переломанными костями. Злой на немцев, на бездарных генералов, неумелых раззявистых новобранцев, но в душе человек хороший. Ну вот, заговорил о Ведяпине, а приплел заодно и крепко уважаемого мною Василия Ивановича Шишкина и Семена. Однополчане, друзья...

Не только нам с Ведяпиным, но и артиллеристам нашей ополовиненной полковой батареи и минометчикам дали задание давить огневые точки немцев. Цель нам выбрал сам комбат. Два пулеметных гнезда, выдвинутые на острие клина, который немцы загнали в наши позиции. Лупили и вперед, и по флангам, не давая высунуться даже наблюдателям. Это были знаменитые МГ-42 с темпом стрельбы двадцать пуль в секунду. Считались они лучшими пулеметами Второй мировой войны и, как метлой, сметали все, что появлялось на бруствере хоть на несколько секунд.

Если уж в траншеях не давали высунуться бойцам, то что творилось, когда с десятков МГ-42 обрушивали на атакующую пехоту свои трассы – лучше не смотреть! Я видел, сколько трупов осталось на нейтральной полосе после неудачных атак, буквально захлебнувшихся в крови. Тела лежали, касаясь друг друга, и когда дул юго-западный ветер, запах гниющей плоти забивал нос.

Конечно, с пулеметами боролись. Порой удачно всаживали снаряд из трехдюймовой полковушки, накрывали немцев и наши минометы, но извечная беда – нехватка боеприпасов – не давала нужного эффекта.

Как обычно, мы присмотрели основную и запасные позиции. Тяжелый немецкий снаряд свалил на высоте метра высокий тополь. Древесина у этого дерева довольно хрупкая, и толстый длинный ствол, падая, переломился на две части, да еще забросал все вокруг ветками. Посоветовавшись, решили вырыть норы под толстым стволом среди ветвей. Метрах в семидесяти виднелись остатки окопов, защищенные бруствером от взорвавшейся авиабомбы. Углубим, расширим – вот и запасное убежище.

Посередине застыл сгоревший легкий танк БТ-7. Бедолага! Их в основном выбили еще в сорок первом и сорок втором, однако остатки безнадежно устаревших машин продолжали упорно использовать наряду с «тридцатьчетверками» и КВ. Так или иначе, это были четырнадцать тонн стали, под которыми можно было отсидеться в случае нужды. Предусмотрели и отход (только ночью) по низине, сквозь бурьян, через воронки и к родной траншее. Лишь бы следующая ночь не была слишком светлой. Но до следующей ночи предстояло еще дожить.

Часа в четыре утра, в сыром тумане мы ползли на свою охоту. Если туман, то день наверняка будет солнечным. Октябрь. Ночи стояли сырые, холодные. Помню, натянул две пары фланелевого белья, поверх гимнастерки – меховую безрукавку, бушлат, маскхалат. Серая шапка без звезды, каска. Сто двадцать патронов и две «лимонки» на случай атаки, фляга с водой, полбуханки хлеба, десять кусочков сахара. От предложенной тушенки отказался – жажда замучает после жирного мяса, а воды на сутки – всего восемьсот граммов.

Светало, как всегда, невыносимо долго. Звуки в тумане раздавались отчетливо. Я слышал негромкие голоса и наших, и немцев, звяканье железяк. Даже когда взошло солнце, густая влажная пелена окутывала все вокруг. С обеих сторон, опасаясь внезапной атаки, раздавались короткие пулеметные и автоматные очереди.

– Иван, каша хлебом жрать будем? – подали голос фрицы, дразня передний край.

Бодрый голос немедленно отозвался матюками:

– А ты, морда, горох еще не ел? Че-то не слышать. Никак не просерешься?

Немцы пару минут обдумывали ответ.

– Сейчас слышать будешь!

С воем пронеслась мина и рванула, казалось, чуть не за спиной у нас. Потом еще и еще. Всего штук двенадцать. Комья земли и осколки шлепались сверху, иногда отчетливо звякая о металлический хлам. Наши ответили из «максима». Его гулкие четкие очереди мы хорошо отличали от всех остальных пулеметов.

– Огурец кончился? – заржали немцы, зная наше условное название мин, снарядов и вечную их нехватку.

– Ужо схлопочешь! Как прояснится, – пообещали немцам.

Оно и верно. У фрицев блиндажи и укрытия на переднем крае крепче, чем наши. Я сам не видел, но ребята рассказывали, что ночью на малом ходу подгоняют грузовики-вездеходы с кранами и осторожно накрывают приготовленные укрытия железобетонными плитами. К утру маскируют. Плиты с метровыми закраинами и амбразурами. Готовый гроб, если в нее наш тяжелый снаряд угодит. Таким же макарком сгружают бронеколпаки, бревна для блиндажей. Устраиваются, как на год, хотя больше недели-двух все равно не продержатся. Весь фронт наступает.

А наши роты эти укрепления в лоб штурмуют. Часть, конечно, разбивают бомбами и пушками, а перед остальными груды тел остаются. В атаки гонят без жалости. Не зря солдаты горько подшучивают: «В России баб много, еще пацанов нарожают». Наконец понемногу рассеивается туман. Немцы перекликаются, как петухи, пулеметными очередями, а мы засекаем первого пулеметчика.

Его худое лицо в каске, сидевшей на плечах, мелькнуло в сетке прицела, когда он, словно угадав наше присутствие, дал очередь по топовому стволу. Только щепки и мелкие ветки брызнули. Несколько разрывных пуль щелкнули, как пистолетные выстрелы. Поганая штука. Если в живот угодит, ни один хирург изорванные кишки не сошьет. Интересно, почему у наших таких пуль нет?

Вторую очередь, еще точнее, обнаруживая себя, фриц всадил в бедолагу БТ-7. Пулевые удары о металл, долгий визг рикошета. Попал, сволочь, с трехсот двадцати метров! Расстояние я определил довольно точно. Пулемет прятался в земляной выемке и, возможно, был защищен листом брони, замаскированной той же землей.

Первая цель есть! А первый выстрел был сегодня за Ведяпиным. Наши ребята из охотников научили меня делать очень простой вариант разрывной пули – сточить напильником головку. Попадая в фашистскую мякоть, такая штука разворачивалась лепестком и, кроша мясо, оставляла выходное отверстие размером с царский пятак. Или труп, или инвалид!

Может, в первые дни войны мы еще верили в мировую революцию, ожидая чуть ли не пролетарского восстания в фашистском тылу. Немцы быстро выбили из нас такие иллюзии. Кто увидит хоть раз, как мучительно, часами, умирает раненный в живот разрывной пулей боец, у которого внутренности изрешечены мельчайшими осколками, вряд ли фашист дождетса пощады в бою. А лежавшие вдоль дороги убитые советские военнопленные, которых мы видели во время наступления... Экономные фрицы убивали их в затылок, чтобы с одного выстрела. Однажды я увидел выбитые динамическим ударом глаза. Зрелище не для восемнадцатилетнего мальчишки. Небольшая выходная дырка на переносице, две мутные кровяные виноградины, висящие на жилках, и две черные глазные впадины.

А внезапные налеты скоростных истребителей «Мессершмит-109» или «Фоке-вульф-190»! Когда по нашим пехотным колоннам, бредущим без зенитного и авиационного прикрытия, обрушивались бомбы и огонь спаренных автоматических двадцатимиллиметровок и пулеметов всех калибров, многие не успевали понять и падали прямо в дорожную пыль, изрешеченные, разорванные, а за уцелевшими гонялись, как в сорок первом.

Правда, с той разницей, что осенью сорок третьего чаще появлялись наши «лавочкины» и «Яковлевы», не давая окончательно разметать полк или батальон. Но господства в воздухе

нашей авиации в тот период я не наблюдал. Я увижу это в середине сорок четвертого, да и то потери в воздушных боях наши летчики несли не меньше, чем немцы. Впрочем, если кто начнет доказывать обратное, спорить не стану. Это всего лишь взгляд простого снайпера, младшего сержанта по званию.

А в то утро я зарядил винтовку тяжелыми бронебойными пулями. Посмотрим, фриц, спасет ли тебя железяка, которая, по-моему, была вкопана, защищая грудь и плечи арийца. Солнце уже светило ярко, западная немецкая сторона просматривалась четко. Потом будет наоборот. Наше время до полудня.

Вторая пулеметная точка. Это уже небольшой бетонированный дот, воздвигнутый у нас под носом. Расстояние – триста семьдесят метров. По нему уже били наши «полковушки», на бетоне видны щербины. Но маленьким пушкам дот не под силу, а вести прицельный огонь не дают минометы. Сюда бы на прямую наводку новую самоходку с мощной пушкой – восьмидесятипяткой. Но этих самоходных орудий пока мало. Их буквально поштучно выделяют на борьбу с тяжелыми «тиграми» и «фердинандами».

Ладно. Бог с ними, с самоходками! У нас свое оружие и своя тактика. Расстояние до немецких пулеметов очень небольшое. Первый же выстрел – и меняй позицию. В принципе, мы можем выбрать момент и выстрелить с Иваном одновременно. Пулеметчики торчат у своих «машингеверов», не отлучаясь. В крайнем случае, оставляя второго номера. Они не знают, что у русских на уме. Кинутся напролом, как не раз бывало, оставят роту или две на поле, а остальные ворвутся в траншеи. Чтобы показать свою арийскую мощь, фрицы высыпают на наши позиции с полсотни гаубичных снарядов и с перерывами, пачками, бьют из минометов. Там, в окопах, наверняка уже есть убитые и раненые. Нашим артиллеристам бы столько боеприпасов!

Мы обнаруживаем и третий пулемет, чешский «Зброевка-Брно», с магазином наверху. После захвата Чехословакии немцы довольно широко используют этот трофей, переделанный под их калибр. До МГ-42 ему далеко, но если нарваться на хорошо замаскированную «Зброевку», можно оставить не один десяток трупов. До нашей «Зброевки» всего триста метров.

Сползаемся с Иваном и принимаем решение бить одновременно. Сначала по обоим МГ-42, а если успеем – по расчету «Зброевки». По два-три выстрела, чтобы комбат не бурчал, и сразу ползком в окопы. Ведяпин нервничает. Явно заметно. Да и я чувствую себя не слишком уютно. Мы еще никогда не подползали так близко к немецким позициям. Пора бы и перекусить, но аппетита у обоих нет. Хреновые предчувствия.

– Ладно, – зло прошептал Ведяпин. – Я стреляю по амбразуре первым. Ты сразу за мной. Постарайся в МГ еще одну-две пули всадить. Чешский «ручник» не трогаем. Пусть живет. А то погонишься за тремя зайцами...

Расползлись. Моя цель – худой пулеметчик в выемке бруствера. Шестикратное увеличение приближает ствол и лицо почти в упор. Я отчетливо вижу, что он не очень молод (по сравнению с моими восемнадцатью), лет за тридцать, а напарник у него крупный малый в теплой шинели. Трофейные часы тикают ровно и быстро, но время тянется невыносимо долго. Чего ждать? «Мой» фриц уже давно на прицеле. Хуже нет стрелять одновременно. Я вспоминаю тех двух снайперов, сгоревших под танком. Но мы же не собираемся прятаться под «бэтэшкой». Эта железяка на крайний случай. У нас с ночи подрыв в стене старой траншеи двойной глубокий окоп.

Над головой, на большой высоте, гудят наши бомбардировщики СБ-2. Две эскадрильи по девять самолетов в сопровождении восьми остроносых «Яковлевых». Двадцать шесть самолетов – не шутки! Кому-то из фрицев достанется. Я вовремя прекращаю глазеть на небо и прикидаю к прицелу. Моя бессменная цель неподвижна, не стреляет. Опытный гад! Фрицы в доте уже выпустили не меньше сотни пуль. Выстрел щелкает неожиданно. Но я еще не готов, голова с каской уползла за вырез бруствера. Ну, вылезай, сволочь! Знакомое лицо появляется

в тот момент, когда Ведяпин стреляет второй раз. Я, затаив дыхание, нажимаю на спуск. Худое лицо и большая каска исчезают. Уверен, что попал. На триста метров я не мог промахнуться. Пулемет на сошках так и остается стоять в нише.

Передний край немцев оживает. Лупят по всей цепи пулеметы, с воем начинают свой полет мины. Пока бьют наугад. Второй номер наконец рискует взяться за МГ. Мой слишком торопливый выстрел отваливает комок земли, и здоровяк исчезает. Вряд ли он скоро появится. Да еще свой новенький пулемет утянет. Я стреляю в МГ-42 дважды, целясь в казенник. Один раз попадаю точно. Пулемет подпрыгивает и заваливается набок. После бронебойной пули он вряд ли сгодится. Конечно, фрицы приволокут запасной пулемет, но спеси у них поубавится. Рыло будут высовывать с оглядкой.

Я жду Ивана. Он, кажется, тоже попал. Амбразура дота молчит. Пора сматываться. Нас наверняка засекли. С дальней позиции, метров с восьмисот, по нам бьет автоматическая пушка, выкладывая с характерным звуком «ду-ду-ду» по семь-восемь снарядов сразу. Два попадают в танк, один взрывается, наткнувшись на гребень, метрах в тридцати позади. Ну, это ягодки! Надо уходить, пока не посыпались мины. Я ползу к Ивану. Черт, действительно накаркали!

Мой напарник лежал, скрючившись, зажимая ладонями лицо. Между пальцев текла кровь. Когда я кое-как разжал руки, тело Ивана судорожно дернулось. Он снова тянулся пальцами к ране и что-то пытался сказать. Пуля вошла ему в верхнюю губу, раздробив челюсть, и вышла из шеи. Позвоночник и сонную артерию не задело, иначе Иван бы уже умер. Но рана и без этого тяжелая. Кровь текла из носа, рта, выходного отверстия на шее. Говорить он не мог. Я истратил оба индивидуальных пакета, сквозь которые сразу начала сочиться кровь. Кто его так крепко зацепил? Похоже на снайпера. Но, осмотрев внимательно напарника, понял, что старший сержант попал под пулеметную очередь. Или его достал второй номер из дота, или чешский пулемет, который сыпет частыми очередями вместе с ожившим МГ-42 в амбразуре. На теле Ивана еще две пулевые раны – вырваны клочья мышц под мышкой. Но это ерунда. Главное, что там натворила пуля, угодившая в лицо? Приклад винтовки Ведяпина расщеплен сразу двумя или тремя пулями. Так густо бьет только МГ-42. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.